

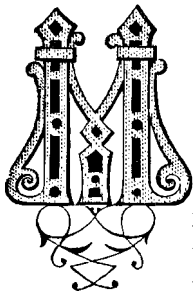

Изъ записокъ стараго офицера ¹⁾.

(К. Мартенса).

I.

Дѣтство и отрочество.—Отецъ и дѣдъ.—Рижское училище (Domschule).—Республиканскія игры.—Императрица Екатерина II.—Императоръ Павелъ I въ Ригѣ.—Страхъ отца.—Преобразованія въ училищѣ.—Смерть дѣда.—Печальныя послѣдствія моего образованія.—Беклешовъ.—Основаніе Дерптскаго университета.—Мое поступленіе въ университетъ.—Фридрихъ Парротъ.—Преобразование университета.—Мои занятія.—Императоръ Александръ въ Дерптѣ.—Дуэль.—Сцены изъ студенческой жизни.—Поѣздка въ Петербургъ.—Двѣ залы Зимняго дворца.

Мой отецъ былъ человѣкъ не заурядный. Вслѣдствіе стеченія неблагоприятныхъ обстоятельствъ, онъ не получилъ правильнаго образованія, но былъ обязанъ всему тому, чего онъ достигъ въ жизни, своимъ природнымъ дарованіямъ и опытности. Онъ обладалъ обширнымъ и проницательнымъ умомъ и твердымъ непоколебимымъ характеромъ, но главною его чертою была неподкупная честность. Такъ, напр., онъ потерялъ въ одномъ процессѣ капиталъ въ 200 тысячъ рублей серебромъ только потому, что не хотѣлъ дать судьямъ взятку въ десять тысячъ рублей. Когда друзья убѣждали его пожертвовать этой суммой, онъ воскликнулъ съ величайшимъ гнѣвомъ:

— Какъ! я унижусь до подкупа! Никогда! Скорѣе потерю все состояніе!

¹⁾ Denkwürdigkeiten aus dem Kriegerischen und politischen Leben eines Offiziers. Ein Beitrag zur Geschichte der 1800—1848 Jahre von C. v. Martens.

Благодаря этой честности, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, хотя подчиненные скорѣе боялись, нежели любили его за суровый нравъ.

Въ нашей провинціи (Курляндіи) существовало издавна двоякаго рода управленіе: правительственное и городовое.

Когда Курляндія была завоевана меченосцами, то они захватили себѣ всѣ земли, поработили въ самомъ худшемъ смыслѣ этого слова несчастныхъ мѣстныхъ жителей: латышей, ливовъ, эстовъ и выработали мало по малу систему управленія, основанную на привилегіяхъ дворянства, которое носить до сихъ поръ названіе рыцарства *Ritterschaft*. Рядомъ съ дворянствомъ, во вновь возникшихъ городахъ образовалось сословіе мѣщанъ, которые, обогатившись торговлею, освободились скорѣе отъ вліянія дворянъ и выработали свое собственное управленіе. Это государственное устройство подтверждалось каждымъ изъ новыхъ покровителей Курляндіи, королями польскими, шведскими и русскими царями. Такъ продолжалось до царствованія Екатерины II.

Съ учрежденіемъ ея городского положенія, и городъ Рига сталъ управляться магистратомъ, который раздѣлялся на три суда: гражданскій, коммерческій и уголовный. Во главѣ каждого изъ нихъ стоялъ бургомистръ; въ собраніяхъ предсѣдательствовалъ президентъ гражданского суда, онъ же завѣдывалъ городскимъ имуществомъ и всѣми прочими доходами. Всѣ эти должностныя лица были выборные и избирались на три года. Мой отецъ, благодаря довѣрію своихъ согражданъ, занималъ этотъ высокій постъ въ теченіе 18-ти лѣтъ. Когда онъ вступилъ въ управленіе, городское имущество было разорено и городъ былъ обремененъ большими долгами. Когда же онъ сложилъ съ себя свои обязанности, то городское имущество находилось въ цвѣтущемъ состояніи, доходы поступали правильно, и онъ передалъ своему преемнику полмилліона альбертсталеровъ.

Отецъ былъ характера гордаго и повелительнаго, онъ былъ холоденъ и недоступенъ, въ его домашнемъ обиходѣ величайшая роскошь уживалась вмѣстѣ со скарденостію. Въ удовлетвореніи своихъ желаній онъ былъ нерѣдко расточителенъ, а иной разъ былъ скупъ въ самомъ необходимомъ. О моемъ образованіи онъ вовсе не заботился. Учителей у меня было много, онъ платилъ имъ большія деньги, но я ничему не научился. Только благодаря заботливости моего дѣда съ материнской стороны я сталъ посѣщать на восьмомъ году жизни училище *Domschule*, которое было въ то время прекрасно обставлено. Въ немъ воспитались многіе выдающіеся люди: Гердеръ, Лодеръ, Шторхъ и другіе. Училище было раздѣлено на пять классовъ, въ которыхъ постепенно проходились древніе и новые языки, исторія, географія, логика, метафизика, математика и естественная исторія.

Всѣ учителя, занимавшіеся въ этомъ училищѣ, отличались большимъ

свободомысліемъ. Мы слышали въ школѣ обо всѣхъ выдающихся событіяхъ, происходившихъ въ то время во Франціи, и учителя часами бесѣдовали съ нами, стараясь разъяснить намъ смыслъ совершавшихся событий. Весьма любопытно, что, несмотря на то, что вездѣ было множество соглядатаевъ и шпионовъ, наши маленькія бесѣды остались тайною для всѣхъ. Два раза въ недѣлю въ училищѣ не было послѣбѣденныхъ уроковъ. Тогда всѣ ученики отправлялись за городъ въ большой садъ. Тамъ мы изображали конвентъ, говорили рѣчи, издавали законы, формировали войско и раздѣлялись на два отряда: на австрійскій и французскій. Въ первый выбирали самыхъ лѣнливыхъ и глупыхъ мальчиковъ, которыхъ нещадно избивали.

Кончина императрицы Екатерины II и вступленіе на престолъ Павла I измѣнили все въ нашей провинціи, въ моей семьѣ и въ моей личной жизни.

Ненависть, съ какою императоръ Павелъ I относился ко всѣмъ учрежденіямъ и нововведеніямъ своей матери, побудила его разрушить насильственно все то, что было ею создано.

Городовое положеніе въ Ригѣ было отмѣнено, и введенъ устарѣлый способъ управленія со всѣми его злоупотребленіями. Находившіеся въ живыхъ чины прежняго управленія съ ихъ креатурами вошли въ составъ новой администраціи; моему отцу было предложено занять въ ней видное мѣсто, но онъ отвѣчалъ на это предложеніе рѣшительнымъ отказомъ. Когда насталъ день, въ который онъ долженъ былъ сдать въ публичномъ собраніи магистрата должность своему преемнику, то онъ произнесъ рѣчь, въ которой изложилъ благотѣльные послѣдствія, какія имѣло для Курляндіи введеніе городского положенія. Тщетно предостерегали его друзья и хотѣли удержать отъ намѣренія высказать эти мысли во всеуслышаніе, ибо кнутъ и Сибирь могли быть естественнымъ послѣдствіемъ этихъ искреннихъ словъ. Отецъ стоялъ на своемъ. Уваженіе, которое питалъ къ нему генераль-губернаторъ, спасло его отъ опасности.

Императоръ Павелъ I, совершивъ вскорѣ по вступленіи на престолъ путешествіе по Россіи, посѣтилъ между прочимъ Ригу. Ему предшествовалъ страхъ и трепетъ. Мѣстное войско было наскоро обмундировано по прусскому образцу, солдаты должны были напудрить волосы, носить косу и букли. Изъ оконъ моего дома я каждый день былъ свидѣтелемъ того, какъ несчастныхъ солдатъ били, обучая къ пріѣзду императора; нерѣдко случалось, что инаго уносили безъ признаковъ, жизни. Наконецъ насталъ давно ожидаемый день. Въ домѣ моего дѣда были поставлены на квартиру двѣнадцать гренадеръ.

Наканунѣ они были завиты, при чемъ ихъ нещадно угощали тумаками и тычками. По окончаніи этой сложной процедуры они должны

были натянуть на себя мундиръ и лосиные брюки, смоченныя въ водѣ, и затѣмъ всю ночь сушиться у огня, чтобы на одеждѣ не было замѣтно ни малѣйшей складочки.

Рано утромъ всѣ четыре полка, составлявшіе рижскій гарнизонъ, были выстроены для смотра императоромъ на гласисѣ. Я находился въ числѣ зрителей. Вездѣ царствовала мертвая тишина. Императоръ, въ сопровожденіи великихъ князей Александра и Константина, прошелъ по фронту, распоряжаясь своей тростью направо и налево. Я вскрикнулъ отъ ужаса. Въ тотъ же моментъ одинъ изъ бюргеровъ схватилъ меня и потащилъ за толпу.

— Проклятый молокососъ,—сказалъ онъ,—ты хочешь всѣхъ насъ погубить?!

Меня принесли домой безъ чувствъ. Прийдя въ себя, я рассказалъ отцу видѣнную мною отвратительную сцену.

— Ради Бога молчи!—воскликнулъ онъ дрожащимъ отъ страха голосомъ,—иначе намъ всѣмъ придется отправиться сегодня же въ Сибирь.

Двери нашего дома были заперты. Никто не смѣлъ шелохнуться. Вечеромъ окна нашего большаго дома были блестяще иллюминированы.

Всѣ общественныя собранія прекратились. Было дано только нѣсколько баловъ въ клубахъ и у генералъ-губернатора. Въ городѣ царствовало мрачное безмолвіе. Сосѣдъ боялся сосѣда, другъ опасался друга. Мой отецъ уѣхалъ изъ города и поселился въ своемъ отдаленномъ отъ Риги имѣніи, гдѣ усердно занялся сельскимъ хозяйствомъ.

Наше училище было совершенно преобразовано. Свободомысленныя бесѣды и дѣтскія игры прекратились. Учители сдѣлались робки и молчаливы, и въ классахъ сталъ появляться ежедневно наблюдатель.

Отсутствіе отца и кончина дѣда имѣли послѣдствіемъ, что я былъ вполне предоставленъ самому себѣ, такъ какъ моя слабохарактерная мать и тетки не имѣли на меня ни малѣйшаго вліянія. Занятія въ школѣ стали тяготить меня. Я мало по малу пересталъ посѣщать ее и совершенно одичалъ.

Отецъ не стѣснялъ меня деньгами, а его лошади и экипажи были къ моимъ услугамъ. Тринадцати лѣтъ отъ роду я былъ вполне предоставленъ самому себѣ; не мудрено, что я вскорѣ попалъ въ общество болѣе пожилыхъ лицъ, офицеровъ, разныхъ искателей приключеній и игроковъ. Я игралъ, танцевалъ, катался верхомъ и охотился сколько душѣ угодно.

Такая жизнь продолжалась нѣсколько лѣтъ, до восшествія на престолъ Александра I. Нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ мнѣ представился случай сдѣлать блестящую дипломатическую карьеру. Старый пріятель моего отца, бывшій министръ Беклешовъ, который находился

уже въ отставку, но пользовался еще въ Петербургѣ значеніемъ и вліяніемъ, пригласилъ меня однажды къ себѣ и просилъ написать отцу, чтобы онъ продалъ ему голландскую корову, которую онъ хотѣлъ подарить одной высокопоставленной дамѣ. Отецъ незадолго передъ тѣмъ выписалъ изъ Голландіи стоившія ему огромныхъ денегъ двѣнадцать прекрасныхъ коровъ и двухъ быковъ, для улучшенія породы мѣстнаго рогатаго скота. Отецъ отвѣчалъ, что онъ коровъ не продаетъ, но что ему будетъ весьма пріятно въ знакъ своей дружбы къ Беклешову предложить ему на выборъ одну изъ коровъ, и поэтому онъ проситъ его посѣтить его имѣніе. Беклешовъ былъ въ восторгѣ. Мы отправились къ отцу въ сопровожденіи вышеупомянутой дамы, и она выбрала себѣ корову. Этотъ случай привелъ меня въ соприкосновеніе съ этими двумя вліятельными лицами. Несмотря на мою юность, Беклешовъ предложилъ мнѣ вступить въ коллегію иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ, что было особенно легко, такъ какъ я владѣлъ нѣсколькими европейскими языками. Я былъ внѣ себя отъ радости, такъ какъ мой образъ жизни уже наскучилъ мнѣ. Беклешовъ самъ предложилъ это моему отцу, но тотъ отказался дать на это свое согласіе подъ предлогомъ, что столь блестящая карьера потребуетъ слишкомъ большихъ расходовъ. Отецъ не зналъ, что я въ Ригѣ тратилъ попусту гораздо больше, чѣмъ потребовалось бы для того, чтобы вступить на поприще, гдѣ я могъ бы служить съ пользою и честью.

Вступленіе на престолъ Александра I оживило страну новыми надеждами. Какъ по мановенію волшебнаго жезла появилось множество новыхъ благотѣльныхъ учрежденій. Между прочимъ расцвѣлъ и возобновленный Дерптскій (нынѣ Юрьевскій) университетъ.

Въ Дерптѣ уже двѣсти лѣтъ тому назадъ существовалъ университетъ⁴⁾, но онъ современемъ заглохъ. Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II и въ правленіе Павла I возникъ планъ основанія университета въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Необходимость учрежденія въ этомъ краѣ высшаго учебнаго заведенія вызывалась слѣдующими соображеніями. Во-первыхъ, юноши, оканчивавшіе курсъ въ среднихъ школахъ и желавшіе получить высшее образованіе, были вынуждены посѣщать иностранные университеты, гдѣ они не могли научиться ни законамъ, ни обычаямъ страны, ни родному языку. Возвратясь на родину и занявъ мѣста юристовъ, врачей или священно-служителей, они были совершенно чужды странѣ, и имъ приходилось много лѣтъ занимать свои должности прежде, нежели они получали возможность приносить дѣйствительную пользу. Вторая причина заключалась въ томъ,

⁴⁾ Основанъ въ 1632 г.

что страна теряла такимъ образомъ ежегодно довольно большую сумму денегъ, которую учащаяся молодежь тратила за границую.

Первая причина имѣла однако главное значеніе въ глазахъ всѣхъ благомыслящихъ людей, которые, ратуя за учрежденіе въ краѣ университета, имѣли главнымъ образомъ въ виду создать центръ, изъ котораго можно было бы вліять на умственное и нравственное развитіе мѣстнаго населенія, находившееся въ самомъ приниженномъ состояніи. Но это именно обстоятельство было причиною противодѣйствія, которое мысль объ учрежденіи университета встрѣтила со стороны лицъ, которыя со страхомъ и трепетомъ думали о возможности поднять нравственный уровень угнетеннаго ими народа и о подготовленіи его къ освобожденію отъ крѣпостнаго ига.

Къ этимъ помѣхамъ и проволочкамъ, тормозившимъ учрежденіе университета, присоединилось еще соперничество трехъ Прибалтійскихъ губерній. Лифляндцы хотѣли имѣть университетъ въ Дерптѣ, эстляндцы въ Ревелѣ, а курляндцы въ Митавѣ. Послѣ многочисленныхъ интригъ и споровъ вопросъ, при вступленіи на престолъ Александра I, былъ рѣшенъ въ пользу Дерпта, который находится приблизительно въ центрѣ трехъ губерній.

Дворяне Прибалтійскаго края выработали основныя правила управленія университетомъ. Изъ среды ихъ избирались три куратора, которые въ свою очередь избирали профессоровъ, имѣли высшій надзоръ за студентами, назначали всѣхъ служащихъ и завѣдывали денежными средствами университета. Это управленіе было чисто аристократическо-деспотическое и совершенно не соотвѣтствовало истиннымъ интересамъ науки. Профессоры были въ высшей степени недовольны подобнымъ положеніемъ дѣлъ. Профессоръ физики, Фридрихъ Парротъ, человѣкъ выдающагося ума, рѣшилъ поставить дѣло на болѣе раціональныхъ началахъ. По происхожденію французъ, онъ покинулъ во время революціи Францію, чтобы избѣгнуть гильотины. Парротъ былъ ревностный республиканецъ и человѣкъ дѣйствительно ученый. Онъ много лѣтъ занимался преподаваніемъ въ Ригѣ и своею честностью снискалъ всеобщее уваженіе. Когда въ Ригѣ было получено извѣстіе о смерти Людовика XVI, то онъ былъ заключенъ въ тюрьму за вырвавшееся у него неосторожное выраженіе; впрочемъ благодаря заступничеству его многочисленныхъ друзей онъ былъ вскорѣ освобожденъ.

Парротъ выработалъ новый университетскій уставъ, въ силу котораго всѣми дѣлами университета долженъ былъ завѣдывать совѣтъ профессоровъ. Набросавъ этотъ планъ, онъ отправился съ нимъ въ Петербургъ. Александръ I увлекался въ то время своими преобразованіями, и приближенные раздѣляли его энтузіазмъ. Въ числѣ ихъ однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ лицъ былъ Новосильцевъ, Парротъ, со своей

ственной французамъ ловкостью и благодаря знанію принятаго при дворѣ французскаго языка, получилъ доступъ къ самымъ высокопоставленнымъ лицамъ. Новосильцевъ представилъ его государю, который одобрилъ планъ и повелѣлъ ему немедленно ѣхать обратно въ Дерптъ и какъ можно скорѣе прислать на его утвержденіе новый университетскій уставъ, что и было исполнено Парротомъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Но это возстановило противъ него дворянство, и противъ Паррота велись много лѣтъ самыя гнусныя интриги.

Какъ только университетъ былъ учрежденъ, въ него стали стекаться со всѣхъ сторонъ молодые люди, въ числѣ которыхъ находился и я. Всѣ профессорскія каѳедры, за весьма немногими исключеніями, были заняты вполне достойными людьми. Первое время я посѣщалъ лекціи безъ всякаго разбора, но затѣмъ занялся исключительно изученіемъ военныхъ наукъ, кои читалъ подполковникъ баронъ Эльснеръ, впоследствии генералъ и директоръ кадетскаго корпуса въ Петербургѣ. Онъ читалъ сухо, скучно и мало интересно, ограничиваясь по большей части изложеніемъ того, что можно было найти во всѣхъ справочныхъ книгахъ по военнымъ наукамъ. Но такъ какъ я рѣшилъ посвятить себя военной службѣ, то усердно посѣщалъ его лекціи. Духъ студентовъ былъ крайне либеральный, и даже большинство молодыхъ дворянъ примкнуло къ этой прогрессивной партіи. Я имѣлъ вскорѣ случай ближе познакомиться съ Парротомъ. Хотя онъ вполне владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, но все же весьма естественно сближался скорѣе съ тѣми молодыми людьми, которые говорили по-французски. Сойдясь съ нимъ ближе, я былъ поставленъ однако же въ весьма двусмысленное положеніе. По семейнымъ связямъ мнѣ приходилось вращаться въ аристократическихъ кружкахъ, въ которыхъ имя Паррота произносилось съ озлобленіемъ. Въ этихъ кружкахъ всѣ нововведенія, вызванныя духомъ времени, считались великимъ преступленіемъ. Приписывая всѣ ужасы, сопровождавшіе французскую революцію, провозглашенному ею принципу—свободы, дворянство видѣло въ этомъ посягательство на права аристократіи и необходимость поддержанія крѣпостнаго права.

Хотя я былъ самымъ младшимъ въ нашей партіи, но товарищи во многихъ случаяхъ избирали меня своимъ представителемъ. Такъ на-примѣръ, когда у проректора Бока родился сынъ, то онъ пригласилъ студентовъ быть восприемниками его ребенка. Большинство голосовъ я былъ избранъ представителемъ студентовъ. Когда хоронили съ большою торжественностью одного студента, то я также долженъ былъ идти во главѣ процессіи. Когда императоръ Александръ посѣтилъ Дерптъ, и у его дома была поставлена почетная стража изъ студентовъ, то я былъ назначенъ командовать ею и привѣтствовать монарха рѣчью. Эти и нѣкоторые другіе случаи въ томъ же родѣ возбудили ко мнѣ

ненависть. Естественнымъ послѣдствіемъ этого было то, что мнѣ пришлось драться нѣсколько разъ на дуэли; и только благодаря счастливой случайности это не имѣло для меня печальныхъ послѣдствій, такъ какъ въ общемъ я былъ довольно слабаго тѣлосложенія и далеко не мастеръ владѣть оружіемъ.

Наскучивъ жизнью въ Дерптѣ, я поѣхалъ по совѣту родныхъ съ однимъ товарищемъ въ Петербургъ.

Въ числѣ достопримѣчательностей, осмотрѣнныхъ нами въ столицѣ, былъ, разумѣется, Зимній дворецъ. Упомяну только о двухъ залахъ, представлявшихъ особый интересъ съ точки зрѣнія исторіи и морали, и которые были уничтожены пожаромъ, испепелившимъ этотъ дворецъ. Они примыкали ко внутреннимъ апартаментамъ императрицы Екатерины II. Стѣны одного изъ нихъ были увѣшаны небольшими миниатюрами, изображавшими портреты всѣхъ лицъ, бывшихъ въ случаѣ при императрицѣ или особенно нравившихся ей. Другой залъ былъ также увѣшанъ миниатюрами, изображавшими различныя сцены не совсѣмъ обыкновенныя. Всѣ эти миниатюры были написаны прекраснымъ художникомъ и оправлены въ золотые медальоны.

Въ то время, когда я возвратился въ Дерптъ, съ моимъ достойнымъ учителемъ и другомъ, профессоромъ Парротомъ случилась пренеприятная исторія. Во время пребыванія въ Дерптѣ императора Александра онъ произнесъ публично рѣчь и между прочимъ сказалъ въ ней слѣдующее:

— Ваше величество! Надежды великой Имперіи, которой суждено имѣть рѣшающее вліяніе на судьбы всего человѣчества, находятся въ вашихъ рукахъ. Не забудьте при вашихъ великодушныхъ преобразованіяхъ призвать къ общественной жизни несчастный народъ, пользующійся до нынѣ только призрѣніемъ существованіемъ.

Императоръ выслушалъ эту рѣчь доброжелательно и отвѣчалъ съ добротою:

— Повѣрьте мнѣ, я думаю объ этомъ, я работаю надъ этимъ и надѣюсь осуществить это дѣло. Возложите надежды на будущее.

Мѣстное дворянство пришло въ величайшее негодованіе отъ этой рѣчи. Оно избрало комиссію подъ предсѣдательствомъ нѣкоего маіора фонъ-Шернгельма, который подалъ на профессора Паррота въ сенатъ жалобу, обвиняя его въ возбужденіи народа и революціонныхъ тенденціяхъ. Но когда объ этомъ дѣлѣ дошло до свѣдѣнія императора, то оно было немедленно прекращено.

II.

Поступленіе на русскую службу.—Барклай-де-Толли.—Его супруга.—Коленкуръ.—Мое отчаяніе. — Генераль Бауеръ. — Совѣтъ, данный Потаповымъ.— Аудіенція у великаго князя.—Семейство Нарышкиныхъ.—Гадалка.—Порядки въ домѣ военнаго министра.—Конфискація англійскихъ судовъ.—Отправленіе въ полкъ.

Въ 1811 году я рѣшилъ возвратиться въ отечество ⁴⁾, но къ этому существовало двоякаго рода препятствіе. Во-первыхъ, я опасался, чтобы мнѣ не повредила моя самовольная, продолжительная отлучка изъ Россіи.

Я обратился по этому поводу къ находившемуся тогда въ Берлинѣ князю Куракину, ѣхавшему изъ Парижа въ Петербургъ. Онъ отрекомендовалъ меня секретарю русскаго посольства Убри, отъ котораго я получилъ надлежащій паспортъ. Впослѣдствіи я слышалъ, что существовало тайное приказаніе о задержаніи меня и моего товарища поручика Нацмера, бывшаго также долгое время за границую.

По пути въ Россію, я познакомился въ Мемелѣ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, изъ великаго герцогства Баденскаго, по фамиліи Вагнеръ. Онъ воспитывался на средства маркграфини баденской Амаліи и ѣхалъ въ Петербургъ, съ письмомъ отъ нея, къ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, чтобы получить мѣсто. Такъ какъ онъ былъ очень стѣсненъ деньгами, то я предложилъ ему мѣсто въ моей почтовой каретѣ, и мы доѣхали вмѣстѣ до Риги. Прибывъ въ Петербургъ, онъ отправился въ Зимній дворецъ, чтобы передать свое рекомендательное письмо императрицѣ. Придворные лакеи взяли у него письмо, а самого прогнали. Не имѣя въ городѣ ни души знакомыхъ, онъ страшно бѣдствовалъ и окончилъ жизнь самоубійствомъ. Его тѣло нашли въ конюшнѣ; въ карманѣ у него было письмо на имя маркграфини Амаліи, въ которомъ онъ сообщалъ ей объ испытанныхъ имъ бѣдствіяхъ.

Пробывъ нѣкоторое время въ Ригѣ у родныхъ, я поспѣшилъ въ Петербургъ, куда пріѣхалъ въ началѣ 1811 г. съ намѣреніемъ поступить на русскую службу.

Военнымъ министромъ былъ въ то время генераль Барклай-де-

⁴⁾ 1805—1811 г.г. проведены авторомъ настоящихъ записокъ за границую, въ Германіи, гдѣ онъ слушалъ вначалѣ лекціи въ Берлинѣ, а затѣмъ поступилъ въ прусскую военную службу и совершилъ въ рядахъ прусской арміи походы 1805—1806 г. Описанію этихъ походовъ посвящены многія страницы его записокъ, которыя здѣсь опускаются, какъ не имѣющія отношенія къ Россіи.

Когда стали носиться слухи о готовившейся войнѣ Россіи съ Франціей, то Мартенсъ, въ числѣ многихъ другихъ молодыхъ людей, пожелалъ вступить въ русскую службу.

Толли. Такъ какъ я имѣлъ къ нему рекомендательныя письма и ѣхалъ изъ Дерпта въ Петербургъ вмѣстѣ съ однимъ изъ его адъютантовъ, то весьма естественно, что, по пріѣздѣ въ столицу, я представился ему первому. Онъ прінялъ меня весьма любезно, долго бесѣдовалъ о настрoеніи умовъ въ Германіи, общалъ въ скоромъ времени опредѣлить меня на службу и спросилъ, желаю ли я быть представленнымъ императору. Разумѣется, я съ радостью прінялъ это предложеніе. Онъ пригласилъ меня какъ можно чаще бывать у него въ домѣ.

Мой второй визитъ былъ къ супругѣ Барклая. Если представить себѣ толстую, неуклюжую деревенскую бабу, то мы получимъ вѣрный портретъ супруги будущаго фельдмаршала. Для вѣрности изображенія къ этому надобно еще прибавить значительную долю гордости, надменности, напускную важность и полнѣйшее невѣжество. Родившись въ лифляндской деревнѣ, она не получила никакого образованія и, въ самомъ юномъ возрастѣ, вышла замужъ за бѣднаго егерскаго офицера, который сдѣлалъ карьеру, благодаря своей храбрости и въ особенности благодаря своимъ способностямъ.

Госпожа Барклай, будучи теперь уже женою министра, должна была играть роль въ обществѣ и дѣлать пріемы. Поэтому не мудрено, что ея собранія были предметомъ всевозможныхъ насмѣшекъ въ высшемъ обществѣ и что о ней рассказывали тысячу анекдотовъ.

Когда я потребовалъ, чтобы обо мнѣ доложили, то въ пріемной никого не было. Время отъ время, по залу пробѣгала, разиня ротъ, растрепанная дѣвушка-лифляндка и исчезала. Наконецъ появился парикмахеръ, который спросилъ меня, что мнѣ нужно, и провелъ въ другое залo, гдѣ ея превосходительство пріняла меня, сидя на обтрепанномъ диванѣ. Я поклонился и произнесъ обычное привѣтствіе. Она важно кивнула мнѣ головой и продолжала молчать, вытаращивъ на меня глаза. Тщетно старался я завязать разговоръ; она не произнесла ни слова. Но въ ея глазахъ можно было прочесть: «этотъ человѣкъ мнѣ противенъ». Въ моихъ глазахъ она вѣроятно также могла прочесть: «а эта особа мнѣ противна!» Наконецъ она позвала дѣвушку и когда та появилась, то спросила, готовъ ли кофе, встала и удалилась, не сказавъ мнѣ ни слова. Этотъ пріемъ чрезвычайно насмѣшилъ меня и общалъ много комичныхъ сценъ въ этомъ домѣ въ будущемъ, но я не подозрѣвалъ, какое значеніе будетъ имѣть эта толстая особа въ моей дальнѣйшей судьбѣ.

Военный министръ и его супруга были окружены почти исключительно лифляндцами и по большей части близкими родными. Ихъ домъ кишѣлъ подростками, кузинами и кузенами, которые жили тутъ, въ чайніи мѣстѣ, наградъ и орденовъ. Г-жа Барклай была ихъ царицей, ихъ кумиромъ. Многочисленные адъютанты министра были почти всѣ

безъ исключенія ея родственники. Въ обществѣ говорили шутя, что между министромъ и его супругой существуетъ нѣкоторое сродство душъ, такъ какъ она выбираетъ себѣ въ прислуги самыхъ безобразныхъ дѣвушекъ, чтобы быть въ домѣ самой красивой женщиной, а онъ беретъ въ адъютанты самыхъ глупыхъ офицеровъ, чтобы быть самымъ умнымъ человѣкомъ въ министерствѣ. Тотъ, кто знаетъ Петербургъ и аристократическій тонъ его высшаго общества, легко пойметъ, что, посѣщая г-жу Барклай, всѣ насмѣхались надъ нею. Военному министру справедливо ставили въ упрекъ, что онъ не могъ отказать своей супругѣ ни въ чемъ и что самыя несправедливыя производства и награды дѣлались по ея просьбѣ. Въ обществѣ называли генерала въ насмѣшку тетка Барклай. Императоръ Александръ прекрасно зналъ это, но онъ былъ этимъ доволенъ, такъ какъ всегда придерживался правила соблюдать «Divide et impera» и любилъ быть окруженнымъ людьми, которые принадлежали бы къ аристократической оппозиціи.

Тѣмъ не менѣе, порядки, соблюдавшіеся въ домѣ военнаго министра, были далеки отъ благоустройства. Въ комнатахъ все было запущено, не чисто, и по нимъ то и дѣло бѣгали растрепанные горничныя. Родственники-адъютанты дѣлали, что хотѣли, и ихъ рѣдко можно было найти въ приемной. Такъ напримѣръ, однажды къ министру пріѣхалъ французскій посланникъ Коленкуръ. Никѣмъ не встрѣченный, онъ поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ залъ, гдѣ я сидѣлъ одинъ и читалъ книгу. Спросивъ, не я ли дежурный адъютантъ, онъ попросилъ доложить о немъ министру. Я подаль ему кресло и поспѣшилъ въ кабинетъ Барклая, который немедленно вышелъ и повелъ посланника къ себѣ. Когда онъ уѣзжалъ, то я проводилъ его до кареты. Министръ поблагодарилъ меня и спросилъ, пожавъ плечами:

— Такъ ни одного изъ моихъ адъютантовъ не было тутъ?

Нѣсколько дней спустя, я встрѣтилъ Коленкура у госпожи Нарышкиной, которой я разсказалъ эту сцену, и мы, разумѣется, отъ души посмѣялись.

Во время моего пребыванія въ Петербургѣ, я былъ однажды въ нѣмецкомъ театрѣ, гдѣ давали пьесу «Der Wald von Harmannstadt». Г-жа Барклай сидѣла въ ложѣ возлѣ моего кресла. Во время той сцены, когда разбойники собираются убить принцессу Элизину, жена министра громко зарыдала и не отнимала платокъ отъ глазъ. Тогда я обратился къ одной дамѣ, сидѣвшей позади меня, и попросилъ ее одолжить мнѣ ея зонтикъ, который я и раскрылъ. Всѣ начали смѣяться. Дежурный плацъ-маюръ подошелъ ко мнѣ и улыбаясь попросилъ меня прекратить шутку.

— Боже мой,—сказалъ я, указывая на г-жу Барклай,—развѣ вы не видите, что идетъ дождь, а моя одежда стоитъ не дешево!

Эта юношеская легкомысленная продѣлка была причиною того, что я подвергся съ тѣхъ поръ систематическому преслѣдованію со стороны г-жи Барклай. Одна дама, весьма близкая ко двору, рассказала этотъ анекдотъ императору, который много смѣялся. Великій князь также очень потѣшался этимъ рассказомъ.

Представившись генералу Барклаю, я отправился къ прусскому подполковнику, фонъ-Шёлеру, который находился въ Петербургѣ, подъ предлогомъ ознакомленія съ новой организаціей русскихъ гвардейскихъ полковъ. Настоящей же цѣлью его пребыванія въ Россіи были тайные переговоры, которые онъ велъ съ императоромъ Александромъ отъ имени короля прусскаго. Прусскимъ посланникомъ былъ въ то время генераль-лейтенантъ, графъ фонъ-Шладеръ, человекъ ничтожный, способный только вести текущія дѣла. Шёлеръ, пользовавшійся величайшимъ довѣріемъ короля прусскаго, снискалъ таковое же и со стороны русскаго монарха. Онъ подробно познакомилъ императора Александра съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ въ Германіи, съ настроеніемъ нѣмецкаго общества и народа и съ тѣмъ, насколько императоръ могъ на нихъ разсчитывать, въ случаѣ войны съ Франціей. Шёлеръ настаивалъ на томъ, чтобы русскія войска были двинуты къ Нѣману, чтобы ихъ можно было, въ случаѣ надобности, передвинуть поспѣшно къ Одеру и Эльбѣ и чтобы, подъ ихъ защитою, могъ сформироваться отрядъ пруссаковъ въ 300.000 (?) человекъ. Но русскаго императора не удалось побудить ни къ какому рѣшительному шагу. Несмотря на свое искреннее расположеніе къ королю прусскому, онъ опасался двусмысленной политики прусскаго кабинета и былъ правъ; ибо въ то же самое время, когда Шёлеръ дѣлалъ ему вышеупомянутыя предложенія, которыя исходили, такъ сказать, изъ сердца короля, прусское правительство предложило, въ мартѣ и августѣ мѣсяцѣ 1811 г., Наполеону заключить съ нимъ союзъ противъ Россіи, если Пруссіи будетъ за это обѣщано возвращеніе нѣкоторыхъ земель. Но Наполеонъ, также не довѣрившій этимъ предложеніямъ, отклонилъ ихъ, прекрасно зная, что, въ случаѣ войны съ Россіей, онъ могъ всегда навязать Пруссіи союзъ съ нимъ, если бы это соотвѣтствовало его цѣлямъ, что дѣйствительно и случилось.

Шёлеръ принялъ меня съ распростертыми объятіями и на другой же день отдалъ мнѣ визитъ, но я сразу увидѣлъ, что я не могъ на него разсчитывать, такъ какъ мы были съ нимъ люди совершенно иныхъ взглядовъ. Я уже понималъ въ то время, что люди, у власти стоящіе, не заботятся о благѣ народовъ и что ихъ дѣятельностью руководитъ исключительно честолюбіе и эгоизмъ.

Черезъ недѣлю по приѣздѣ въ Петербургъ, мнѣ было предложено явиться въ канцелярію военнаго министра. Директоръ канцеляріи сообщилъ мнѣ, что императоръ повелѣлъ принять меня на службу и пре-

доставилъ мнѣ выборъ того рода оружія, въ которомъ я хочу служить. Я избралъ гвардейскій гусарскій полкъ, потому что офицеры гвардіи имѣютъ передъ армейскими преимущество двухъ чиновъ.

Директоръ канцеляріи, выслушавъ мой отвѣтъ, взглянулъ на меня и сказалъ, улыбаясь: «посмотримъ».

Прошло четыре недѣли, а я все не получалъ никакого извѣщенія. Наконецъ однажды ко мнѣ зашли вечеромъ два адъютанта военнаго министра, молодые гвардейскіе офицеры.

— Боже мой, что вы надѣлали?—воскликнули они,—вы зачислены поручикомъ въ И—ій гусарскій полкъ.

Они показали мнѣ печатный приказъ. Я былъ пораженъ.

На другой же день я явился къ военному министру и изложилъ ему дѣло. Онъ выразилъ мнѣ свое искреннее сожалѣніе по поводу происшедшаго недоразумѣнія, но замѣтилъ, что приказъ, подписанный императоромъ, не можетъ быть измѣненъ. При этомъ онъ просилъ меня успокоиться и общалъ, что я вскорѣ буду произведенъ въ слѣдующій чинъ и прибавилъ:

— Война не за горами; намъ нужны такіе офицеры, какъ вы. Успокойтесь, положитесь на меня!

Я былъ обязанъ этимъ назначеніемъ г-жѣ Барклаю, которой директоръ канцеляріи хотѣлъ этимъ сдѣлать пріятное. До тѣхъ поръ я не имѣлъ никакого понятія о внутреннемъ управленіи арміи. Какъ только стало извѣстно о моемъ назначеніи въ И—ій полкъ, ко мнѣ зашелъ одинъ изъ офицеровъ этого полка, бывший въ Петербургѣ, чтобы познакомиться съ новымъ товарищемъ. Когда я рассказалъ ему объ оказанной мнѣ несправедливости, то онъ замѣтилъ, что главное начальство надъ кавалеріей принадлежитъ великому князю Константину Павловичу, и отъ него зависятъ зачисленіе въ кавалерію и производства, и такъ какъ онъ находится постоянно въ контрахъ съ военнымъ министромъ, то я напрасно обратился къ министру, возстановивъ этимъ противъ себя великаго князя; но что еще есть возможность поправить дѣло, и что, быть можетъ, великій князь вступится за меня, чтобы сдѣлать на зло Барклаю. Послѣдовавъ совѣту этого офицера, я заручился рекомендаціей человѣка, имѣвшаго доступъ къ генералу Бауеру (Baueг), старшему адъютанту и довѣренному лицу великаго князя, и съ его письмомъ въ карманѣ поѣхалъ въ Стрѣльну.

Генералъ Бауеръ принялъ меня, сидя за столомъ съ другимъ генераломъ, съ которымъ онъ пилъ пуншъ. Онъ не предложилъ мнѣ сѣсть и спросилъ по-русски, что мнѣ нужно. Когда я передалъ ему рекомендательное письмо, то онъ расхохотался и воскликнулъ:

— Право же, онъ дуракъ, а вы сумашедшіе! Вы возстановили противъ себя великаго князя, а я долженъ за васъ хлопотать и подставлять

свой лобъ! Ступайте къ Барклаю! Да убирайтесь-ка отсюда скорѣе; если великій князь увидитъ васъ не въ формѣ, тогда какъ вы уже зачислены въ полкъ, то онъ васъ разжалуетъ въ солдаты и сошлетъ въ отдаленный гарнизонъ.

Я возвратился въ Петербургъ взбѣшенный, мною овладѣло отчаяніе. Мысль, что я буду служить поручикомъ въ полку, угнетала меня. Я четыре дня ничего не ѣлъ и не пилъ, расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, или лежалъ, не смыкая глазъ, на постели. Прислуга, привезенная мною изъ Риги, испугалась, видя меня въ такомъ состояніи, такъ какъ я ничего не отвѣчалъ на ихъ вопросы. Они посоветовались съ хозяиномъ дома, въ которомъ я жилъ, и онъ послалъ за докторомъ Бартоломеемъ. По случайному стеченію обстоятельствъ, это оказался лейбъ-медикъ великаго князя, съ которымъ я встрѣчался въ обществѣ; онъ сразу понялъ, что моя болѣзнь была нравственнаго свойства, заставилъ меня поѣсть и, узнавъ о томъ, что довело меня до такого состоянія, посоветовалъ мнѣ обратиться къ адъютанту великаго князя, полковнику Потапову. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ общалъ при первой же возможности поговорить обо мнѣ съ самимъ великимъ княземъ. Полковникъ Потаповъ былъ дальній родственникъ нашей семьи и при проѣздѣ своемъ черезъ Ригу пользовался гостепріимствомъ моего отца, но лично я его не зналъ. Я поспѣшилъ къ нему. Онъ принялъ меня весьма радушно, и я провелъ у него весь вечеръ въ бесѣдѣ за чайнымъ столомъ. Результатомъ этой бесѣды было то, что онъ общалъ устроить мнѣ аудіенцію у великаго князя, но предупредилъ, чтобы я ни на что не жаловался цесаревичу, а только сказалъ бы, что я просилъ аудіенціи, чтобы просить у его высочества прощенія въ томъ, что я по невѣдѣнію поступилъ не такъ, какъ слѣдуетъ, за что я строго наказанъ пониженіемъ по службѣ.

Но прежде всего полковникъ строго на строго велѣлъ мнѣ заказать немедленно полную форму и общалъ научить меня, какъ слѣдовало являться великому князю, чтобы заслужить его одобреніе. Хотя я не надѣялся на успѣхъ, но все же былъ вынужденъ истратиться на форму.

Насталъ день моего представленія. Отворились двери въ аудіенцъ-залу, и я предсталъ передъ великимъ княземъ, который осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ и при этомъ потиралъ руки, что было признакомъ его удовольствія. Затѣмъ онъ сказалъ, смѣясь:

— Ты ѣздилъ въ Пруссію, чтобы научиться прусскимъ поклонамъ.

Кровь бросилась мнѣ въ лицо, но я сдержался и отвѣчалъ:

— Я пріѣхалъ сюда, чтобы отучиться отъ нихъ.

Онъ помолчалъ съ минуту, а затѣмъ сказалъ очень вѣжливо по-французски:

— Вы обязаны своей неудачей военному министру. Обратитесь къ нему. Онъ лишилъ васъ двухъ чиновъ. Пусть онъ попробуетъ вернуть

ихъ вамъ,—я тутъ ни при чемъ. Я васъ не знаю. Но совѣтую вамъ тотчасъ отправиться къ вашему полку. Ступайте!

Потаповъ обучилъ меня, какъ попугая. Я отступилъ по всѣмъ правиламъ. Великій князь позвалъ меня обратно, и я подошелъ къ нему снова на вытяжку.

— Гдѣ вы научились службѣ?—спросилъ онъ, что есть мочи потирая себѣ руки.

— Я имѣлъ случай видѣть ученье вашего полка.

— Хорошо, хорошо!—воскликнулъ великій князь уже по-русски и, обратясь къ Потапову сказалъ, смѣясь:

— Жаль, что тетка Баркай перехватила его.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ зала. Потаповъ сказалъ, что мнѣ нечего ожидать отъ великаго князя, но нѣтъ причины и опасаться его. Это такъ и оказалось, какъ будетъ видно изъ моего дальнѣйшаго разсказа.

У генерала Барклая каждое воскресенье были гости и танцы. Онъ выходилъ обыкновенно къ гостямъ въ 10 часовъ вечера и оставался въ залѣ не болѣе получаса; я видѣлъ его и разговаривалъ съ нимъ каждый разъ, но такъ какъ онъ посвящалъ эти полчаса отдохновенію, то я не имѣлъ случая говорить съ нимъ о моемъ дѣлѣ.

Послѣ неудавшейся попытки у великаго князя я отправился однажды къ министру въ полной парадной формѣ просить объ увольненіи меня въ отставку. Генералъ спокойно выслушалъ меня и также спокойно отвѣчалъ:

— Начальникъ кавалеріи великій князь. Вы теперь служите въ кавалеріи. Ваше увольненіе зависить всецѣло отъ великаго князя. Вы должны поспѣшно отправиться въ полкъ и подать прошеніе объ отставкѣ по начальству, которое препроводитъ его въ порядкѣ службы великому князю. Это единственно возможный для васъ путь. Но я совѣтую вамъ не дѣлать этого, такъ какъ вы можете навлечь на себя большія непріятности. Лучше повремените. Война не за горами. На нашей службѣ нетрудно схватить парочку чпновъ. Если вы останетесь въ сферѣ моего вліянія, то я васъ не забуду; вы будете мною довольны.

Съ этими словами онъ отпустилъ меня.

Нѣсколько дней спустя меня посѣтилъ одинъ изъ моихъ сотоварищей по службѣ въ Шлезвигѣ, маіоръ фонъ-Рейхмейстеръ. Оставивъ полкъ, въ которомъ онъ служилъ, по какимъ-то непріятностямъ, онъ явился послѣ многихъ злоключеній съ рекомендательнымъ письмомъ къ генералъ-адъютанту князя Трубецкому въ Петербургъ, по ходатайству котораго былъ зачисленъ маіоромъ въ Уфимскій пѣхотный полкъ.

Рейхмейстеръ сказалъ, что мнѣ не на что разсчитывать, что я состою

на счету человѣка самыхъ демократическихъ убѣждений и что поэтому меня посылаютъ въ полкъ, чтобы сдѣлать меня безопаснымъ.

Я рѣшилъ идти на проломъ; сталъ умышленно бывать въ обществѣ, показывался публично то въ статскомъ, то въ военномъ платьѣ, но одѣтымъ не по формѣ. Всѣ предостерегали меня, но я только посмѣивался, не дорожа жизнью: мнѣ нравилось бравировать тамъ, гдѣ всѣ трепетали. Я нѣсколько разъ встрѣчалъ великаго князя, который дѣлалъ видъ, будто не замѣчаетъ меня, но его лицо искажалось саркастической улыбкой.

Изъ домовъ, посѣщаемыхъ мною, наиболѣе интересными были безспорно домъ обергофмаршала Александра Нарышкина и оберъегермейстера Дмитрія Нарышкина; къ нимъ съѣжалось все, что было выдающагося въ Петербургѣ.

Обергофмаршалъ былъ человѣкъ весьма оригинальный. Огромное состояніе давало ему возможность жить по-царски, но онъ былъ такъ расточителенъ, что долги превышали его состояніе. Его векселя котиrowались на биржѣ. Однажды онъ далъ блестящій балъ, на которомъ присутствовалъ государь.

— Скажите, любезный другъ,—спросилъ его императоръ,—что стоилъ вамъ этотъ балъ?

— Тридцать пять рублей,—отвѣчалъ Нарышкинъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Да, ваше величество, тридцать пять рублей, которые мнѣ пришлось вамъ уплатить.

— Какимъ образомъ?

— Я заплатилъ тридцать пять рублей за гербовую бумагу, на которой написанъ вексель.

— А! — воскликнулъ императоръ, смѣясь, — такъ не мудрено, что ваши векселя стоятъ такъ низко.

— Простите, ваше величество, мои векселя стоятъ лучше вашихъ; за нихъ даютъ 40%, а за ваши векселя даютъ всего 25%.

По случаю волненій, происходившихъ въ Греціи, императору представлялось прибывшее въ Петербургъ турецкое посольство. Когда открылись двери аудіенцъ-зала, послышался легкій скрипъ.

— Что это такое?—спросилъ съ неудовольствіемъ императоръ.

— Rien, Sire! la Porte demande la Grèce! (demande la graisse)¹⁾.—отвѣчалъ обергофмаршалъ.

Когда Коленкуръ былъ отозванъ и замѣненъ Лористономъ, котораго звали Батистъ, и императоръ спросилъ Нарышкина, что онъ думаетъ о Лористонѣ, то онъ отвѣчалъ:

¹⁾ Французскій каламбуръ: ничего, ваше величество, дверь требуетъ смазки; иначе: Порта требуетъ Грецію.

— О, ваше величество,—батисть тоньше коленкора.

Его братъ былъ точно такъ же расточителенъ, но гораздо менѣе любезный и интересный собесѣдникъ. Тѣмъ интереснѣе его супруга Марія Антоновна, рожденная княжна Четвертинская. Эта любезная и остроумная женщина была душою всѣхъ петербургскихъ собраній. Она была первою любовью Александра, который даже (будучи великимъ княземъ) хотѣлъ тайно обвѣнчаться съ нею. Императрица Екатерина, узнавъ объ этомъ, помѣшала осуществленію этого плана; но сердечныя чувства, связавшія Александра съ г-жею Нарышкиной, никогда не были порваны.

Въ 1811 г. она пользовалась наибольшимъ вліяніемъ. Когда французскій посланникъ Коленкуръ былъ отозванъ и Марія Антоновна отклонила его посѣщеніе, сказавъ, что «она не можетъ болѣе принять французскаго посланника, но что посѣщеніе Коленкура всегда будетъ ей пріятно», то всѣ были увѣрены въ скоромъ объявленіи войны, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что голосъ этой женщины выражалъ сокровенныя мысли императора.

Въ Петербургѣ проживала въ то время, одна особа по фамиліи Кирхгофъ, по профессіи модистка. Кромѣ того, она гадала на картахъ и, какъ гадалка, пользовалась большою извѣстностью. Она видала меня въ Пруссіи и, узнавъ о моемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, посѣтила меня. Ея тайная профессія была мнѣ неизвѣстна, и я былъ радъ всякому знакомству съ лицами, коихъ я знавалъ въ Германіи. Однажды вечеромъ, я находился у этой дамы, когда у дверей ея квартиры раздался звонокъ, а затѣмъ въ комнату воѣжала служанка и прошептала: «императоръ!»

— Ради Бога, спрячьтесь въ этомъ кабинетѣ,—сказала мнѣ въ полголоса г-жа Кирхгофъ,—если императоръ увидитъ васъ со мною, то вы погибли.

Я исполнилъ ея совѣтъ, но черезъ отверстія, продѣланныя въ дверяхъ, вѣроятно, нарочно, могъ видѣть все, что происходило въ залѣ. Императоръ вошелъ въ комнату въ сопровожденіи генералъ-адъютанта Уварова. Они были оба въ статскомъ платьѣ и по тому, какъ императоръ поздоровался, можно было понять, что онъ надѣялся быть неузнаннымъ. Г-жа Кирхгофъ стала гадать ему; хотя она говорила очень тихо, но я могъ все-таки слышать.

— Вы не то, чѣмъ вы кажется,—сказала она и за кого вы себя выдаете;—но я не вижу по картамъ, кто вы такой. Вы находитесь въ двусмысленномъ, очень трудномъ, очень опасномъ положеніи. Вы не знаете, на чтѣ рѣшиться. Ваши дѣла пойдутъ блестяще, если вы будете дѣйствовать смѣло и энергично. Въ началѣ вы испытаете большое несчастье, но, вооружившись твердостью и рѣшимостью, преодолѣете бѣдствіе. Вамъ предстоитъ блестящее будущее.

Въ то время, какъ она говорила, императоръ сидѣлъ, склонивъ голову на руку, и пристально смотрѣлъ на карты.

При послѣднихъ словахъ, онъ вскочилъ и воскликнулъ: «довольно», бросилъ на столъ сторублевую бумажку и сказалъ Уварову:

— Пойдемъ, братъ, и уѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ саняхъ.

Это былъ первый и послѣдній разъ, что онъ посѣтилъ г-жу Кирхгофъ; насколько мнѣ извѣстно, онъ болѣе у нея не былъ ¹⁾.

Въ исходѣ 1811 г. и въ началѣ 1812 г. Александръ находился дѣйствительно въ высшей степени въ затруднительномъ положеніи. Онъ не желалъ войны, но понималъ, что ему будетъ невозможно сохранить миръ съ Наполеономъ.

Онъ зналъ, что его армія была одушевлена самыми прекрасными чувствами, страстно желала войны, но не довѣряла генераламъ нѣмецкаго происхожденія и была убѣждена, что французы непременно будутъ побиты, если императоръ назначить главнокомандующимъ русскаго генерала. Общественное мнѣніе намѣтило Багратиона, но Александръ вручилъ начальство надъ арміей Барклаю-де-Толли.

Какъ легкомысленно относились къ дѣламъ въ военномъ министерствѣ, доказываетъ слѣдующій случай.

Я уже упоминалъ о томъ, что у меня бывали два адъютанта военнаго министра, молодые офицеры гвардіи. Такъ какъ въ домѣ генерала царствовалъ вездѣ величайшій безпорядокъ, то и кабинетъ, въ которомъ онъ работалъ, оставался обыкновенно незапертымъ и, когда министръ отсутствовалъ, то всѣ могли свободно входить въ него.

Его адъютанты воспользовались этимъ и не только прочитали операціонные планы, составленные на всякій случай Барклаемъ и снабженные замѣтками, которыя были продиктованы императоромъ, но даже сняли съ нихъ копіи, которыя они, по своему легкомыслію, показывали мнѣ. Изъ этихъ копій я увидѣлъ, что вслѣдствіе предложеній, сдѣланныхъ Пруссіей, существовалъ планъ сосредоточить въ тайнѣ войско на берегу Нѣмана и двинуть его двумя отдѣльными корпусами, каждый въ 120.000 человекъ, на Берлинъ и Бреславль. Слѣдовательно, въ то время не существовало еще хитро задуманнаго плана отступленія въ глубь страны ²⁾.

Русское правительство все еще играло такую роль, какъ будто оно поощряло континентальную систему. Такимъ образомъ въ 1810 году двадцать три англійскихъ судна, нагруженные англійскими колоніальными товарами и пришедшія въ Ригу съ фальшивыми бумагами, яко бы

¹⁾ Александръ неоднократно прибѣгалъ къ гаданіямъ и предсказаніямъ. Такъ, въ 1805 г., онъ былъ съ этою цѣлью у скопца Селиванова. См. статью „Наши мистики-сектанты“, „Русск. Старина“ 1895 г., № 10, стр. 36. Ред.

²⁾ Авторъ пишетъ по слухамъ и потому не совсѣмъ точно. Ред.

изъ Тенерифа, были конфискованы по доносу одного матроса, озлобленнаго на капитана за дурное обращеніе съ нимъ. Цѣнность груза была опредѣлена, разумѣется, по весьма низкой оцѣнкѣ, въ шестьдесятъ милліоновъ рублей. Объ этомъ случаѣ постарались раструбить, чтобы пустить французскому посольству пыль въ глаза, но между тѣмъ въ тайнѣ велись переговоры съ тѣми торговыми домами, коимъ былъ присланъ этотъ товаръ и которые согласились уплатить за возвращенный имъ грузъ всего пятнадцать милліоновъ рублей. Когда генераль Барклай сообщилъ императору о результатѣ этой финансовой операціи, то, возвращаясь домой, онъ рассказывалъ въ моемъ присутствіи, что императоръ сталъ танцовать по комнатѣ, приговаривая: «Ха, ха, пятнадцать милліоновъ, это не дурно, не дурно!»

Въ это время было арестовано много лицъ, обвинявшихся въ дѣланіи въ Москвѣ фальшивыхъ кредитныхъ бумажекъ. Дѣйствительно, въ обращеніи было множество фальшивыхъ денегъ. По секрету говорили, будто эти бумажки фабриковались въ Парижѣ съ вѣдома французскаго правительства и посылались въ огромномъ количествѣ въ Вильну и Москву.

Я провелъ канунъ Рождества 1811 года весьма пріятно въ домѣ дежурнаго генерала Фока, гдѣ я часто бывалъ.

Было уже одиннадцать часовъ вечера, и я собирался откланяться, какъ вдругъ генераль получилъ бумагу, коей приказывалось немедленно арестовать меня и отправить подъ конвоемъ двухъ жандармовъ къ моему полку въ Лиду.

— Вотъ, прочтите!—сказалъ генераль съ изумленіемъ,—до чего вы себя довели! Я сейчасъ дамъ вамъ предписаніе немедленно отправиться въ полкъ; дайте мнѣ честное слово, что черезъ часъ васъ не будетъ въ городѣ. Тогда я донесу, что вы уѣхали до полученія этого приказа.

Противъ этого нечего было возражать; не прошло и часа, какъ курьерскія лошади умчали меня въ Лиду.

III.

Генераль Дороховъ и подполковникъ графъ д'Олоннъ.—Состояніе полка.—Анекдотъ.—Объявленіе войны.—Аванпосты у Оляты.—Отступленіе русской арміи.—Блужданіе нашего корпуса по Мнѣскимъ болотамъ.—Рекогносцировка.—Встрѣча съ великимъ княземъ.—Въ Смоленскѣ.—Дѣло при Лѣсной.—На берегу Днѣпра.—Генераль Корфъ.—Генералы Тучковъ и Ермоловъ и сэръ Робертъ Вильсонъ.

Въ Лидѣ шефъ полка генераль Дороховъ принялъ меня весьма любезно.

Это былъ человѣкъ добродушный, но мало образованный, грубый и вспыльчивый; страстный игрокъ и любитель женскаго пола. По этой причинѣ въ его полку царствовалъ большой безпорядокъ. Большая часть полковыхъ денегъ проматывалась командиромъ, въ полку недоставало много лошадей, а фуражъ вымогался у крестьянъ и евреевъ. Когда полку былъ произведенъ нѣсколько времени спустя смотръ въ Гродно, то генералъ былъ принужденъ взять на время у офицеровъ и у сосѣднихъ помѣщиковъ лошадей и укомплектовать ими полкъ. Эти прекрасныя лошади были поставлены на флангахъ и прикрыли собою полковыхъ клячъ. Полкъ былъ найденъ въ прекрасномъ состояніи, и генералъ получилъ благодарность.

Сабли у солдатъ были такъ плохи, что при сильномъ ударѣ клинки отваливались отъ рукоятки.

Въ довершеніе бѣды, великій князь ввелъ во всѣ гусарскіе полки копыя. Для легкой кавалеріи копые составляетъ бесспорно превосходное оружіе, но для того, чтобы владѣть имъ цѣлесообразно, требуется большой навыкъ и долгая практика. Ввести же это оружіе за два мѣсяца до начала похода было величайшей безсмыслицей; копые въ рукахъ человѣка, не умѣющаго имъ владѣть составляетъ только помѣху.

Поэтому гусары, ловко дѣйствовавшіе саблею, были въ высшей степени недовольны копыями и въ самомъ началѣ похода переломали и выбросили ихъ.

Обмундированіе полка вызвало сожалѣніе. Интендантскіе чиновники продавали большими партіями сукно, которое отпускалось изъ складовъ для обмундированія полка. Посредниками и покупателями, въ этомъ случаѣ, были по обыкновенію евреи. Правительствомъ былъ изданъ строгій указъ, въ силу котораго полковой командиръ, виновный въ растратѣ казеннаго имущества, подлежалъ разжалованію въ солдаты, а посредникъ или покупатель—наказанію кнутомъ, конфискаціи имущества и ссылкой въ рудники въ Сибирь.

По этому поводу я долженъ разсказать слѣдующій уморительный случай.

Одинъ изъ молодыхъ офицеровъ нашего полка снискалъ своимъ поведеніемъ, ревностнымъ отношеніемъ къ службѣ и веселымъ нравомъ любовь и расположеніе товарищей и уваженіе начальства. Его особенно любили гусары его роты. Такъ какъ этотъ офицеръ былъ очень бѣденъ, но любилъ покутить, то у него было много долговъ. Евреи требовали уплаты, жаловались на офицера генералу, и ему даже пришлось однажды отсидѣть нѣсколько дней подъ арестомъ. У одного изъ его кредиторовъ, очень богатаго еврея, Мордаха, торговавшаго виномъ и колониальными товарами, квартировали унтеръ-офицеръ и два гусара его роты.

Однажды ночью они подмѣтили, что къ дому подвезли нѣсколько большихъ тюковъ и пронесли тайкомъ въ погребъ. Гусары доложили объ этомъ офицеру, который поручилъ имъ разузнать, въ чемъ дѣло. Пробравшись въ погребъ, они увидѣли, что въ тюкахъ было не что иное, какъ тюки сукна изъ складовъ.

Они отрѣзали отъ каждаго по маленькому кусочку и представили ихъ офицеру въ доказательство своихъ словъ, а онъ пригласилъ въ тотъ же день всѣхъ своихъ товарищей на завтракъ къ Мордаху. Мы всѣ смѣялись этому, такъ какъ прекрасно знали, что у него не было ни кредита, ни денегъ, но все же явились въ назначенный часъ.

Нашъ товарищъ приказалъ еврею подать превосходный завтракъ и всевозможные сорта винъ. Еврей отвѣчалъ, что онъ не дастъ ничего ни на грошъ, до тѣхъ поръ, когда деньги не будутъ выложены на столъ. Тогда офицеръ вынулъ изъ кармана маленькій пакетикъ, показалъ его потихоньку отъ насъ еврею и сказалъ ему на ухо нѣсколько словъ.

Задорный израелитъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, поспѣшно вышелъ изъ комнаты, и завтракъ мигомъ былъ поданъ.

Когда стемнѣло и всѣ изрядно угостились, то офицеръ приказалъ еврею приготовить такой же завтракъ и на слѣдующій день. Такъ продолжалось дней десять, пока мы не выступили изъ Лиды въ Гродно. При выступленіи полка, каждый офицеръ долженъ былъ представить удостовѣреніе въ томъ, что на него нѣтъ никакихъ взысканій. Нашъ другъ представилъ таковое, такъ какъ Мордахъ уплатилъ его долги.

Само собою разумѣется, что мы никакъ не могли объяснить себѣ все это до тѣхъ поръ, пока товарищъ не далъ намъ ключа къ разгадкѣ.

Участь еврея и самого гевсрала была въ его рукахъ. Еслибы онъ заявилъ о хищеніи сукна, то одному изъ нихъ не миновать бы Сибири, а другой былъ бы разжалованъ.

Нашимъ полковымъ командиромъ былъ подполковникъ графъ д'Олоннъ, французскій эмигрантъ, служившій раньше въ пѣхотномъ егерскомъ полку и получившій нашъ полкъ по протекціи герцога Ришелье, потому что его супругѣ, богатой дамѣ, очень нравился гусарскій мундиръ.

Графъ былъ не только страшный бурбонъ, но и отъявленный пьяница; все занятіе его состояло въ питьѣ водки и пошлыхъ, хвастливыхъ разсказахъ о блаженной памяти корпусѣ принца Конде. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о службѣ легкой кавалеріи, не умѣлъ даже ѣздить верхомъ и на полѣ битвы былъ величайшій трусъ; въ чемъ нельзя было обвинить нашего генерала, который отличался личной храбростью.

Таково было состояніе нашего полка наканунѣ войны, и въ такомъ

же состояніи находились и многіе другіе полки. Наконецъ война была объявлена. Такъ какъ я не намѣренъ писать ни исторію моего времени, ни достопамятнаго похода 1812 года, то я ограничусь изложеніемъ только того, что мнѣ пришлось испытать лично.

Нашъ полкъ входилъ въ составъ четвертаго армейскаго корпуса первой арміи, коей командовалъ генералъ графъ Шуваловъ, типъ царедворца, но совершенный невѣжда въ военномъ дѣлѣ. Корпусъ двинулся по дорогѣ изъ Лиды въ Олиту. Въ авангардѣ его шелъ полкъ егерей, нашъ гусарскій полкъ и шесть орудій, подъ командою нашего генерала Дорохова, главная квартира котораго находилась въ разстояніи 8 часовъ отъ Олиты. Въ четырехъ часовомъ разстояніи отъ этого мѣстечка, стоялъ подполковникъ графъ д'Олоннъ, съ тремя эскадронами гусаръ; самое мѣстечко Олита было занято однимъ эскадрономъ гусаръ, при которомъ находился и я.

Этимъ эскадрономъ командовалъ ротмистръ Нарышкинъ, сынъ упомянутого выше обергофмаршала. Нарышкинъ, еще мальчикомъ, былъ произведенъ императоромъ Павломъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и дѣйствительные камергеры и увѣчанъ орденами. Въ царствованіе императора Александра онъ вступилъ ротмистромъ въ лейбъ-гвардію гусарскій полкъ. Любовь, которую онъ питалъ къ своей теткѣ, побудила его тайно оставить полкъ и уѣхать вслѣдъ за нею изъ Россіи въ Карлсбадъ.

Это навлекло на него гнѣвъ императора, и онъ былъ исключенъ изъ службы.

Когда началась война, то онъ просилъ позволенія принять участіе въ походѣ и былъ зачисленъ ротмистромъ въ нашъ полкъ. Это былъ весьма благородный, привѣтливый и храбрый молодой человѣкъ, но онъ не имѣлъ ни малѣйшей опытности въ военномъ дѣлѣ. Поэтому онъ возложилъ на меня нести всѣ обязанности форпостной службы въ этотъ важный моментъ.

Мѣстечко Олита раздѣляется Нѣманомъ на двѣ части, изъ коихъ одна, лежащая на правомъ берегу—русская, а другая, лежащая на лѣвомъ берегу—польская. Русская сторона лежала на плоскомъ берегу, а на польскомъ, болѣе высокомъ берегу, возвышалась гора, на вершинѣ которой стояла церковь. Возлѣ самой церкви, французы поставили четыре орудія; вдоль берега развѣзжали ихъ патрули. Между 18-мъ и 21-мъ іюня, мы увидѣли, что непріятель совершалъ большую рекогносцировку. Я различилъ совершенно ясно императора Наполеона, который, въ сопровожденіи нѣсколькихъ генераловъ и отряда уланъ осматривалъ берегъ и смотрѣлъ съ горы въ подозрную трубу въ нашу сторону. Говорили, будто онъ совершилъ рекогносцировку по берегу Нѣмана переедѣтымъ. Генералъ графъ Сегюръ оспариваетъ это предположеніе

въ своемъ сочиненіи: *Historie de la grande armée et de Napoléon dans la campagne de 1812 г.* Я могу подтвердить, что я видѣлъ императора Наполеона, производившаго рекогносцировку этой мѣстности въ бѣломъ уланскомъ мундирѣ; его можно было узнать только по его шляпѣ и манерамъ. Черты его лица можно было разсмотрѣть только въ подзорную трубу.

Приказанія, полученныя нами, были такого рода, что мы должны были прятаться отъ непріятеля и не стрѣлять даже въ томъ случаѣ, если съ противоположнаго берега были бы сдѣланы по намъ выстрѣлы. Но какъ только непріятель сталъ бы переправляться черезъ рѣку, то намъ было приказано обороняться, отступая къ нашему авангарду. Но непріятель стоялъ спокойно и даже убралъ свои четыре орудія. 24-го іюня ко мнѣ явился еврей съ извѣстіемъ, что главные силы французской арміи, подъ командою Наполеона, переправились черезъ Нѣманъ у Ковны и шли къ Вильнѣ.

Я послалъ его съ этимъ извѣстіемъ въ главную квартиру генерала Дорохова. Вскорѣ послѣ этого одинъ гусарь принесъ незапечатанную записку, на которой генераломъ Дороховымъ было написано по-русски:

«Графъ д'Олоннъ! Наша армія была принуждена отступить передъ превосходными силами. Французы въ Вильнѣ. Я отрѣзанъ и не знаю, гдѣ нашъ корпусъ и наша армія. Я не могу терять времени и попытаюсь присоединиться къ арміи Багратіона, но боюсь быть взятымъ въ плѣнъ. Поступайте, какъ знаете; я не могу дать вамъ ни приказанія, ни совѣта. Дороховъ».

На этой записочкѣ д'Олоннъ написалъ по-французски:

«И я также не могу дать вамъ ни приказаній, ни совѣта, поступайте, какъ знаете».

Мы немедленно выступили и въ ту же ночь соединились съ остальными нашими тремя эскадронами. Проблуждавъ два дня и двѣ ночи, мы нашли генерала Дорохова въ болотахъ Минской губерніи. Добрый старикъ совсѣмъ потерялъ голову и не имѣлъ понятія о томъ, гдѣ онъ находится, такъ какъ ни у него, ни у поручика генеральнаго штаба Юнга, состоявшаго при немъ, не было карты. Лошади и орудія утопали въ болотѣ. При этомъ лилъ проливной дождь, бревенчатая мостовая, устраиваемая на топкихъ мѣстахъ, была вся подъ водою. У насъ не было ни съѣстныхъ припасовъ, ни фуража, и нельзя было достать проводника, такъ какъ все населеніе рѣдкихъ въ этой мѣстности и бѣдныхъ деревушекъ спряталось въ лѣсахъ. Мы блуждали такимъ образомъ нѣсколько дней; надобно было во что бы то ни стало найти выходъ изъ этого положенія; мы уже думали, что намъ придется сдаться въ плѣнъ непріятелю. Генераль поручилъ мнѣ съ нѣсколькими гусарами произвести рекогносцировку и разузнать, гдѣ мы находимся и не было ли намъ

возможности укрыться въ Бобруйскѣ. Блужданіе нашего корпуса по Минскимъ болотамъ дало непріятелю поводъ думать, что имъ была отрѣзана армія Дохтурова, который отступилъ между тѣмъ съ остальными войсками. Французы были введены въ заблужденіе созвучіемъ именъ нашихъ генераловъ: Дорохова и Дохтурова, и эта ошибка со словъ французскихъ бюллетеней вкралась во всѣ французскія сочиненія о походѣ 1812 года.

Я отправился съ десятью гусарами и однимъ унтеръ-офицеромъ, чтобы исполнить данное мнѣ грустное приказаніе. Радость моя была неописанная, когда, проблуждавъ нѣсколько часовъ, я увидѣлъ вдали еврея, который при нашемъ появленіи сталъ удирать что есть мочи; мы его скоро нагнали и допросили. Отъ него я узналъ, что мы находились всего въ разстояніи шести часовъ отъ деревни Борисовщицны, откуда часовъ шесть до Бобруйска и что дороги были довольно сносны. Мы поспѣшили въ Борисовщицну, и я послалъ двухъ гусаръ съ евреемъ обратно къ генералу. Доѣхавъ до небольшого мостика, перекинутого черезъ рукавъ Березины, я увидѣлъ, что на разстояніи приблизительно тысячи шаговъ, по обѣ стороны большой дороги, ведущей въ Бобруйскъ, расположился отрядъ непріятельской конницы численностью приблизительно въ 1.500 человекъ, которые спѣшились и были заняты варкою пищи. Завидѣвъ красные мундиры моихъ гусаръ, они вскочили съ мѣсто и укрылись въ сторону отъ дороги; я подумалъ, что это былъ отрядъ, принадлежавшій къ арміи короля Иеронима, который переправился черезъ Нѣманъ близъ Гродно и гналъ передъ собою атамана Платова съ его казаками. Движеніе этого отряда не могло имѣть иной цѣли, какъ помѣшать соединенію князя Багратіона съ генераломъ Барклаемъ; было ясно, что князь со своей арміей находился по близости. Я не ошибся. Не прошло и четверти часа, какъ я увидѣлъ приближавшагося къ намъ казачьяго офицера, съ десятью казаками посланнаго разузнать, свободна ли дорога въ Бобруйскъ. Отъ него я узналъ, что князь находился всего въ разстояніи двухъ переходовъ и что Платовъ также долженъ былъ находиться по близости или подъ стѣнами Бобруйска. Увидавъ со мною нѣсколько человекъ гусаръ, французы подумали вѣроятно, что мы составляли голову авангарда Багратіона, и поэтому они поспѣшно ретировались. Мнѣ едва удалось убѣдить казачьяго офицера послать казака съ моимъ донесеніемъ къ князю Багратіону, а между тѣмъ было весьма важно увѣдомить его о приближеніи нашего корпуса. Казачій офицеръ, не умѣвшій ни читать, ни писать, не хотѣлъ сначала ничего слушать. Но бутылка водки, которую я имѣлъ при себѣ, помогла мнѣ убѣдить его. Я послалъ также немедленно донесеніе генералу Дорохову, который поспѣшилъ къ намъ форсированнымъ маршемъ. Мы достигли Бобруйска и соединились съ

Платовымъ. Послѣ этого соединеніе Багратіона съ Барклаемъ было обезпечено. Мы пошли къ Смоленску, гдѣ сосредоточились всѣ наши войска.

Мы простояли четырнадцать дней лагеремъ подъ Смоленскомъ. Великій князь Константинъ Павловичъ все еще находился при арміи, несмотря на то, что генераль Барклай настоятельно требовалъ, чтобы онъ былъ отозванъ. Однажды я поѣхалъ въ Смоленскъ, чтобы немного развлечься. Я ѣхалъ по дорогѣ, перекинувъ черезъ плечо казацкую нагайку, что было совершенно противно правиламъ, и преспокойно покуривалъ трубку, какъ вдругъ я увидѣлъ передъ собою великаго князя Константина Павловича съ небольшою свитой. Одинъ изъ его адъютантовъ, молодой 18-ти лѣтній гвардейскій офицеръ, примѣтилъ меня издали и поскакалъ ко мнѣ, крича: «уѣзжайте скорѣе прочь; если его высочество увидитъ васъ съ ногойкой и трубкой, вы пропаля!»

— Оставьте меня въ покоѣ, другъ мой, и заботьтесь о своей собственной шкурѣ,—возразилъ я и поѣхалъ дальше.

Почти въ тотъ же самый моментъ великій князь и его свита свернули вправо и стали у самой дороги за канавкой, обозрѣвая мѣстность. Проѣзжая мимо великаго князя, я взялъ трубку въ лѣвую руку, а правой отдалъ честь. Великій князь подозвалъ меня; перепрыгнувъ черезъ канаву, я остановился подлѣ него.

— Ты все еще не оставилъ твоихъ прусскихъ привычекъ,?—сказалъ онъ, смѣясь, указывая на мою трубку и ногойку.

— Я окурень пороховымъ дымомъ, ваше императорское высочество,—отвѣчалъ я.

Великій князь обернулся къ своей свитѣ и сказалъ очень серьезно:

— Этотъ человѣкъ неисправимъ, онъ до смерти сохранитъ свои прусскія привычки.

Затѣмъ онъ улыбнулся благосклонно и сказалъ по-французски: *bonjour, mon ami!*¹⁾

Въ Смоленскѣ я нашелъ въ одной большой гостиницѣ множество офицеровъ. Велика была моя радость, когда я встрѣтился тутъ съ моимъ шлезвигскимъ пріателемъ, маіоромъ Рейхмейстеромъ, и другимъ прусскимъ товарищемъ, поручикомъ Тресковымъ. Мы пили, смѣялись и плакали отъ радости. Съ разгоряченными головами мы сѣли за карты и проиграли всѣ бывшія съ нами деньги. Мнѣ пришлось продать хозяину часы, чтобы заплатить за выпитое вино; остальные деньги въ ту же ночь были проиграны. Я болѣе не видѣлъ моего милаго Трескова; онъ палъ въ первомъ же бою.

10-го августа мы имѣли при Лѣсной жаркое дѣло съ французскою кавалеріей. Это сраженіе оставило во мнѣ самое тяжелое воспомина-

¹⁾ Здравствуйте, другъ мой.

ніе. Нашъ полкъ наткнулся на отрядъ прусскихъ уланъ второго шлезвигскаго полка. Стычка была тѣмъ ужаснѣе, что на дорогѣ стояла пыль столбомъ, и мы сшиблись, не видя другъ друга. Мы потеряли трехъ офицеровъ и много солдатъ. Пруссаки также потеряли не мало людей. Этотъ уланскій полкъ, коимъ командовалъ маіоръ фонъ-Блокъ, былъ единственный прусскій полкъ, находившійся при великой арміи. Я зналъ лично почти всѣхъ офицеровъ этого полка. Можно себя представить, что я испыталъ, очутившись лицомъ къ лицу съ моими бывшими товарищами. Печальная обязанность убивать ни въ чемъ неповинныхъ людей и подставлять имъ свой лобъ!

Послѣ сраженія подъ Смоленскомъ мы отступили по дорогѣ въ Москву. Участіе кавалеріи въ этомъ сраженіи было незначительно. Днѣпръ дѣлаетъ у Смоленска много излучинъ, и броды благопріятствовали нашей переправѣ. Генералъ Барклай призвалъ меня къ себѣ и, давъ мнѣ отрядъ въ 120 гусаръ, взятыхъ изъ всѣхъ эскадроновъ нашего полка, приказалъ мнѣ произвести рекогносцировку вдоль лѣваго берега Днѣпра, чтобы удостовѣриться, существуютъ ли въ извилинахъ рѣки броды, настолько неглубокіе, что непріятель могъ бы воспользоваться, чтобы напасть на насъ съ тыла.

Старикъ-крестьянинъ, котораго мнѣ къ счастью удалось задержать, показалъ мнѣ броды, которые были такъ мелки, что по нимъ легко могла пройти даже артиллерія. Хотя берега въ этомъ мѣстѣ очень высоки и круты, но они такъ песчаны, что не трудно устроить переправу. Я узналъ отъ крестьянина, что на другомъ берегу рѣки, позади лѣсочка, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ берега находился непріятель. Приказавъ моему отряду стать поодаль, я перешелъ съ двумя гусарами рѣку въ бродъ, прокрался къ опушкѣ лѣса и увидѣлъ совсѣмъ вблизи большой отрядъ непріятеля, состоявшій изъ пѣхоты, кавалеріи и многочисленной артиллеріи. Но когда я хотѣлъ вернуться назадъ, то оказалось, что броды были уже заняты французами, и мнѣ ничего не оставалось, какъ спрыгнуть съ крутаго берега и переплыть рѣку, что мнѣ и удалось, хотя непріятель послалъ намъ въ догонку нѣсколько пуль. Вслѣдъ затѣмъ весь непріятельскій отрядъ пришелъ въ движеніе, показалась кавалерія, а вдоль берега стали стрѣлки. Возвратившійся отъ него гусаръ привезъ мнѣ извѣстіе, что армія находится въ полномъ отступленіи, и передалъ мнѣ приказаніе генерала Барклая возвратиться къ моему полку. Но гдѣ же былъ полкъ? Я встрѣтилъ по пути корпусъ генерала Корфа. Онъ спросилъ, меня откуда я явился, сказалъ мнѣ, что онъ боится быть отрѣзаннымъ, и просилъ, если мнѣ удастся благополучно добраться до арміи, чтобы я тотчасъ прислалъ ему гусара сказать о томъ. Онъ говорилъ это такъ равнодушно, какъ вещь самую обыкновенную, съ апетитомъ продолжая уписывать курицу. Адъютанты и окружавшіе

его штабные офицеры смѣялись и пили, и весь отрядъ былъ такъ невозмутимо спокоенъ, какъ будто вблизи не было непріятеля; генераломъ не были соблюдены даже самыя обыкновенныя мѣры предосторожности.

Мои лошади и люди были въ высшей степени утомлены, поэтому я выбралъ десять самыхъ лучшихъ лошадей и отправился на поиски арміи, приказавъ остальнымъ гусарамъ, отдохнувъ, слѣдовать за мною. Проѣхавъ часа два, я встрѣтилъ полковника, которому было приказано препроводить къ арміи паркъ тяжелыхъ орудій, принадлежавшихъ къ корпусу генерала Багговуга. Полковникъ сбился съ пути и шелъ по дорогѣ, по которой онъ попалъ бы прямо въ руки непріятеля. Мнѣ едва удалось доказать ему его ошибку и заставить его вернуться и послѣдовать за мною. Я ѣхалъ впереди его рысью и часъ спустя увидѣлъ нашу армію на высотахъ по дорогѣ отъ Смоленска въ Москву, въ разстояніи трехъ нѣмецкихъ миль отъ Смоленска. На противовуположныхъ высотахъ стояла въ боевомъ порядкѣ французская армія.

На одной горѣ я увидѣлъ группу генераловъ, осматривавшихъ позицію въ подозрѣнныя трубы. Мнѣ сказали, что это генералы Тучковъ и Ермоловъ, изъ коихъ первый командовалъ лѣвымъ флангомъ арміи. Я оставилъ своихъ гусаръ у подошвы горы, поскакалъ на гору и отпортовалъ генералу.

— Ужь этотъ Корфъ,—воскликнулъ онъ;—поспѣшите къ нему обратно и скажите, чтобы онъ скорѣе явился со своимъ отрядомъ сюда и что теперь не время для прогулокъ.

Я заявилъ генералу, что мнѣ приказано отправиться къ полку.

— Ну хорошо! Въ такомъ случаѣ объясните моимъ адъютантамъ, гдѣ найти Корфа. Господи, если бы скорѣе подошла артиллерія Багговута! У насъ нѣтъ тяжелыхъ орудій; что мы станемъ дѣлать, если непріятель атакуетъ насъ?

Я замѣтилъ, что артиллерія должна подойти черезъ четверть часа.

— Это невозможно,—воскликнулъ Ермоловъ,—она находится еще почти въ часовомъ разстояніи отсюда!

Когда я рассказалъ случившееся съ артиллерійскимъ полковникомъ, то я слышалъ, какъ какой-то господинъ, въ англійскомъ генеральскомъ мундирѣ, сказалъ генералу Тучкову по-англійски:

— Этотъ офицеръ подозрителенъ мнѣ, онъ похожъ на француза.

Я засмѣялся и отвѣчалъ ему по-англійски:

— Такъ же мало, какъ вы, генералъ!

На это Тучковъ спросилъ меня:

— Но вѣдь вы не русскій?

— Нѣтъ, я лифляндецъ.

— Какого полка?

— И-го гусарскаго полка: тамъ, подъ горой стоятъ вахмистръ и десять гусаръ моего отряда.

Тучковъ подозвалъ вахмистра и также спросилъ его, какого онъ полка. Выслушавъ его отвѣтъ, генералъ обратился ко мнѣ и сказалъ по-французски:

— Простите мою осторожность, я слышалъ по вашему выговору, что вы не русскій.

Англійскій генералъ былъ извѣстный сэръ Робертъ Вильсонъ, впоследствии губернаторъ Гибралтара, а въ то время служившій волонтеромъ въ русской арміи.

Армія наша отступала спокойно и въ полномъ порядкѣ; только кавалеріи, находившейся въ аррьергардѣ, приходилось дѣйствовать съ раннего утра, часовъ съ трехъ, до наступленія ночи. Мы потеряли весьма мало людей, но у насъ пало много лошадей, вслѣдствіе того, что онѣ оставались безъ пищи и въ сильную жару не имѣли воды для питья. Когда мы останавливались на ночь, то лошадей приходилось нерѣдко посылать на водопой часа за два или за три отъ мѣста стоянки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ записокъ стараго офицера ¹⁾.

(К. Мартенса).

II ¹⁾.

Москва передъ вступленіемъ французовъ. — Отступленіе нашей арміи и переходъ ея на старую Калужскую дорогу. — Генералъ Винценгероде. — Взятіе его въ плѣнъ. — Переходъ нашей арміи за границу. — Императоръ Александръ въ монастырѣ Гриссау. — Неудачная попытка автора купить имѣніе въ Россіи. — Генералъ-губернаторъ кн. Хованскій. — Голодъ въ Могилевской губерніи въ 1820 году. — Злоупотребленія дворянства. — Слѣдствіе. — Свиданіе автора съ императоромъ Александромъ. — Результаты слѣдствія. — Отъѣздъ автора въ Германію. — Великій князь Константинъ Павловичъ.

ри приближеніи французской арміи къ Москвѣ, аристократія покинула столицу. Ея дворцы опустѣли, и въ Москвѣ остались только высшія чиновныя лица, генералъ-губернаторъ графъ Ростопчинъ, гражданскій губернаторъ, у котораго мы остановились, и нѣсколько другихъ властей.

Въ домѣ гражданского губернатора съ утра до ночи толпились власти; у него бывалъ также графъ Ростопчинъ. Генералы высчитывали наши силы и силы французовъ; извѣстіе о предстоящемъ сраженіи при Бородинѣ побудило меня покинуть городъ и возвратиться съ своему полку.

Генералъ Дороховъ былъ устранинъ вслѣдствіе столкновеній, которыя онъ имѣлъ съ Платовымъ. Нашъ командиръ, графъ д'Олоннъ, оставилъ полкъ, боясь, какъ эмигрантъ, попасть въ руки французовъ, и полкъ принялъ майоръ Розенбаумъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ январь 1902 г.

Между тѣмъ армія, пройдя Москву, расположилась на высотахъ, окружающихъ городъ, и была подкрѣплена войсками, стянутыми поспѣшно съ разныхъ мѣстъ, и милиціею, которая была весьма плохо обучена и еще того хуже вооружена. Это была толпа ни чего незнающихъ мужиковъ. Кутузовъ понималъ, что въ сраженіи эта милиція будетъ не пригодна къ дѣлу, и потому употреблялъ ее только для прикрытія транспортовъ и охраны плѣнныхъ.

Я получилъ приказаніе состоять при генераль-лейтенантѣ Панчулидзеѣ.

Армія перешла на старую Калужскую дорогу и послѣ сраженія при Бородинѣ была въ разстроенномъ состояніи. Дивизіи и полки перемѣшались; большія дороги были переполнены отсталыми, телѣгами и повозками. Въ ночь съ 2-го (14-го) на 3-е (15-е) число мы увидѣли, что Москва горитъ. Я просилъ генерала уволить меня въ отпускъ и отправился въ главную квартиру, гдѣ находился фельдмаршалъ кн. Кутузовъ и генералы Беннигсенъ и Барклай-де-Толли. Я встрѣтилъ тамъ случайно ротмистра Нарышкина и ротмистра гвардіи князя Сергѣя Волконскаго, того самаго, который былъ замѣшанъ впоследствии въ дѣлѣ 14-го декабря 1825 г. и сосланъ въ Сибирь.

Князь Волконскій былъ начальникомъ штаба корпуса генераль-лейтенанта Винценгероде, который, получивъ приказаніе прикрывать дорогу отъ Москвы въ Тверь, перешелъ на нее съ нѣсколькими казачьими полками и съ нашимъ гусарскимъ полкомъ. Главная квартира генерала находилась между Москвою и Клиномъ. Князь Волконскій предложилъ мнѣ сопровождать его туда и остаться въ свитѣ генерала; такъ какъ я былъ очень утомленъ, а намъ приходилось по пути въ Клинь сдѣлать огромный крюкъ по большой дорогѣ, которая вела во Владиміръ и Ярославль, то я не поѣхалъ съ княземъ, а послѣдовалъ за нимъ на слѣдующій день.

Я добрался благополучно до Клина и явился генералу Винценгероде. Повсюду бродили мародеры и непріятельскіе фуражиры, коихъ мы взяли множество въ плѣнъ. Я подвергся при этомъ большой опасности. Одинъ крестьянинъ сообщилъ мнѣ, что человекъ двадцать французовъ грабили сосѣднее село. Я поскакалъ туда съ гусарами. Изъ одного дома выскочило трое французовъ, которые прицѣлились въ меня на разстояніи десяти шаговъ, но всѣ три ружья дали осѣчку, и французы были изрублены.

Крестьяне привели меня къ очень глубокому колодцу и показали, что онъ былъ наполненъ трупами убитыхъ французовъ, которыхъ они туда бросали. Ежедневно приходилось быть свидѣтелемъ подобныхъ сценъ, приводившихъ мало-мальски сострадательнаго человека въ ужасъ.

Между тѣмъ прошелъ слухъ, что Наполеонъ оставилъ Москву, чтобы

стать во главѣ арміи, но что онъ очень упалъ духомъ, что здоровье его сильно пострадало и что вождствіе наступившихъ холодовъ онъ почти не въ состояніи былъ ѣздить верхомъ и работать такъ дѣятельно, какъ прежде.

Въ тотъ же день одинъ казачій офицеръ привезъ мнѣ приказаніе генерала Винценгероде передать командованіе отрядомъ этому офицеру, а самому поспѣшить въ его главную квартиру. Генераль принялъ меня безъ свидѣтелей. Онъ былъ въ одномъ бѣлѣ и долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, попыхивая изъ своей трубки и не говоря ни слова.

— Мы должны идти въ Москву, — сказалъ онъ наконецъ. — Наполеонъ оставилъ ее. Тамъ находится еще Мортье съ 1.800 чел. Иловайскій донесъ мнѣ, что онъ занялъ Тверскую заставу со своими казаками. Слѣдуйте за мною, мои дрожки запряжены.

Въ ту минуту, какъ мы сѣли въ дрожки, подошелъ ротмистръ Нарышкинъ и сталъ умолять генерала взять его съ собою вмѣсто меня; генераль согласился, и Нарышкинъ поѣхалъ съ нимъ.

Когда они подѣхали къ Тверской заставѣ, то вмѣсто казаковъ генерала Иловайскаго увидѣли французовъ. Они махали платками, дѣлая видъ, что пріѣхали парламентарями; но, не смотря на это, были взяты въ плѣнъ.

Вскорѣ послѣ этого мы получили извѣстіе, что Москва окончательно очищена отъ непріятеля, а 10-го (22-го) октября мы вступили туда вмѣстѣ съ первыми передовыми отрядами русскихъ войскъ. Городъ былъ почти совершенно пустъ. На улицахъ можно было встрѣтить только нѣмцевъ, французовъ, актеровъ, ремесленниковъ и нѣсколько сотъ чело-вѣкъ просто народа. Всѣ деревянные дома и лачуги, находившіеся между большими каменными палатами, сдѣлались жертвою пламени; но многіе каменные дома уцѣлѣли со всею обстановкой. Генераль Бенкендорфъ и я, исполнявшій при немъ должность адъютанта, заняли домъ кн. Шаховскаго близъ Тверскаго бульвара.

Въ одномъ изъ полуобгорѣвшихъ дворцовъ мы нашли вполне благоустроенную фабрику фальшивыхъ бумагъ, всѣ нужные для этого машины и инструменты, массу готовыхъ ассигнацій. Онѣ были сдѣланы такъ искусно, что почти не было возможности отличить ихъ отъ настоящихъ.

Получивъ извѣстіе о взятіи въ плѣнъ генерала Винценгероде, князь Кутузовъ приказалъ генералу графу Сень-Приесту принять начальство надъ нашимъ корпусомъ, а императоръ Александръ, получивъ о томъ донесеніе, со своей стороны прислалъ къ намъ съ тою же цѣлью ген.-ад. Кутузова, двоюроднаго брата главнокомандующаго. Оба генерала прибыли въ Москву одновременно, и между ними возникъ споръ,

который по именному приказанію государя былъ рѣшенъ въ пользу Кутузова. Императоръ желалъ, чтобы этимъ корпусомъ командовалъ человекъ, коему онъ далъ словесно приказанія относительно сношеній съ Тверью, такъ какъ съ этой стороны онъ видимо не былъ еще покоенъ.

Какъ только въ Петербургъ дошли извѣстія о неудачѣ, постигшей французскую армію и о ея несчастномъ отступленіи, къ намъ тотчасъ полетѣло несмѣтное число камеръ-юнкеровъ, адъютантовъ и другихъ ба-ловней судьбы, желавшихъ пожать плоды похода, поступивъ въ армію маіорами и полковниками. Ихъ назначали командующими казачьими отрядами; они брали въ плѣнъ замерзшихъ французовъ и получали за это награды, забирали застрявшія въ снѣгу орудія и получали за то орденъ св. Георгія.

— Мы покажемъ французамъ, что такое русскіе,—говорили они при каждомъ удобномъ случаѣ, потряхивая эполетами и крестами, полученными за совершенные ими подвиги.

Намъ было приказано оставить Москву и идти къ Вильнѣ. Я не получилъ никакого опредѣленнаго назначенія и слонялся безъ всякаго дѣла въ свѣтѣ генерала Кутузова, ѣлъ, пилъ и спалъ. Непріятеля нигдѣ не было видно. На занесенныхъ снѣгомъ поляхъ и дорогахъ среди сгорѣвшихъ хижинъ валялись трупы французовъ, погибшихъ отъ холода и голода.

Отморозивъ себѣ ногу, я попросилъ уволить меня въ отпускъ и поѣхалъ для возстановленія своихъ силъ въ Витебскъ, гдѣ узналъ, что генералъ Винценгероде и ротмистръ Нарышкинъ были освобождены.

Въ скоромъ времени Нарышкинъ, ѣздившій въ Петербургъ и произведенный между тѣмъ въ полковники, долженъ былъ отправиться въ Вильно, въ главную квартиру императора Александра.

Послѣ сраженія при Бауценѣ наши войска вступили въ Силезію. Было заключено перемиріе, и начались мирные переговоры въ Прагѣ. Демаркаціонная линія, раздѣлявшая обѣ арміи, тянулась отъ границы Богеміи до Гамбурга. На этой линіи лежалъ монастырь Гриссау (гдѣ я бывалъ неоднократно въ то время, когда жилъ въ Германіи).

Мое здоровье немного поправилось, и я совершилъ маленькую поѣздку въ Гриссау, чтобы посѣтить моихъ старыхъ друзей, монаховъ.

Мое появленіе видимо встревожило обитателей монастыря. Настоятель не вышелъ ко мнѣ; монахи куда-то попрятались. Только одинъ изъ нихъ, съ которымъ я былъ нѣкогда въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, остался со мною, и мы задушевно бесѣдовали, расхаживая по монастырскому двору. Вдругъ у входной двери зазвонили въ колоколъ, двери отворились, и во дворъ монастыря вѣхала коляска, запряженная четверкою почтовыхъ лошадей, и остановилась у главныхъ дверей монастырскаго зданія. Въ этой коляскѣ сидѣли два

русскихъ офицера въ простыхъ сюртукахъ и фуражкахъ; ихъ сопровождало два денщика. Они выпрыгнули изъ экипажа и поднялись по лѣстницѣ въ большое зало, окна котораго выходили на монастырскій дворъ. Я тотчасъ узналъ въ одномъ изъ офицеровъ императора Александра, а въ другомъ—генераль-адъютанта князя Волконскаго. Монахъ провелъ меня въ корридоръ, откуда можно было видѣть происходившее въ залѣ. Императора никто не встрѣтилъ, ни игумень, ни монахи. Александръ потиралъ нетерпѣливо руки, въ волненіи рассказывалъ взадъ и впередъ по залу и подходилъ ежеминутно къ окну.

Наконецъ, у воротъ снова раздался звонокъ, и во дворъ въѣхала вторая коляска, въ которой сидѣли двѣ дамы. Императоръ протянулъ руки къ окну и привѣтствовалъ ихъ. Дамы поднялись въ залъ; императоръ сердечно обнялъ ихъ. Я узналъ великую княгиню Анну Теодоровну, разведенную супругу великаго князя Константина Павловича, и герцогиню де-Саганъ, дочь вдовствующей герцогини курляндской. Они стали оживленно бесѣдовать, и великая княгиня Анна много плакала во время разговора.

Герцогиня де-Саганъ, бывшая въ весьма дружественныхъ отношеніяхъ съ Меттернихомъ, говорила съ императоромъ весьма серьезно. Князь Волконскій вышелъ во дворъ и приказалъ слугамъ вынуть изъ коляски императора нѣсколько маленькихъ, очень тяжелыхъ ящичковъ, которые были положены въ экипажъ герцогини де-Саганъ. Когда это было окончено, высокіе посѣтители обнялись; императоръ поѣхалъ въ Рейхсбахъ, а герцогиня де-Саганъ въ Прагу. Три дня спустя послѣ ея пріѣзда въ этотъ городъ конгрессъ былъ распущенъ, и Австрія объявила себя противъ Франціи.

Недовольный своей службою въ Россіи, Мартенсъ уѣхалъ въ Германію, гдѣ ему не удалось однако устроиться, какъ онъ того желалъ, и онъ снова возвратился послѣ четырехлѣтняго отсутствія въ Петербургъ. Но и тутъ ему нелегко было пристроиться.

«Я скоро убѣдился въ томъ, что мнѣ въ Петербургѣ нечего было ожидать,—читаемъ въ его воспоминаніяхъ. Изъ прежнихъ друзей одни перемерли, другіе разѣхались; тѣ же, которыхъ я еще встрѣтилъ въ столицѣ, «плыли по теченію», и отъ нихъ мнѣ нечего было ожидать. Тѣмъ не менѣе я рѣшилъ попытать счастья и, написавъ прошеніе на имя императора о принятіи меня снова на службу, отправился съ нимъ въ Царское Село и передалъ его князю Волконскому, но онъ возвратилъ мнѣ прошеніе, сказавъ, что не можетъ подать его государю, такъ какъ о вторичномъ принятіи меня на службу не можетъ быть и рѣчи.

Успѣвъ собрать кое-какія крохи изъ моего состоянія, я рѣшилъ

начать съ этимъ маленькимъ капиталомъ какое-нибудь дѣло. Чрезъ одного пріятеля я познакомился случайно съ г-жею Синявиной, рожденной княжной Мещерской, которая владѣла въ Устюжскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, прекраснымъ имѣніемъ съ 354 душъ крестьянъ и желала его продать. Она сообщила мнѣ свое намѣреніе и просила найти ей покупателя. Цѣна, назначенная ею за имѣніе, была такъ незначительна, что я вскорѣ убѣдился, что эта покупка была очень выгодная и что имѣніе можно было перепродать въ три-дорога. Къ тому же изъ этого имѣнія какъ разъ пріѣхали въ Петербургъ трое крестьянъ, съ которыми помѣщица уполномочила меня переговорить обо всемъ. Когда они услышали, что г-жа Синявина хочетъ продать ихъ, то сознались мнѣ откровенно, что они очень боятся попасть въ руки ея наслѣдниковъ, весьма суровымъ и безчеловѣчнымъ. Побывавъ у меня нѣсколько разъ, они сдѣлались еще довѣрчивѣе и умоляли меня купить ихъ и отпустить на волю, предлагая мнѣ по 1.000 р. за душу мужского пола.

Я рѣшилъ приобрести имѣніе, заключилъ договоръ съ помѣщицей, далъ ей задатокъ и условился уплатить ей деньги по прошествіи трехъ мѣсяцевъ. Поѣхавъ въ Москву для устройства денежныхъ дѣлъ, я осмотрѣлъ по пути имѣніе и убѣдился въ томъ, что я сдѣлалъ очень выгодное приобретение, какъ вдругъ всѣ мои планы неожиданно рушились.

Однажды утромъ ко мнѣ явился московскій оберъ-полицеймейстеръ, полковникъ Равинскій, въ сопровожденіи своего помощника и двухъ казаковъ и передалъ мнѣ полученное изъ Петербурга московскимъ генераль-губернаторомъ княземъ Голицынымъ приказаніе потребовать у меня договоръ, заключенный съ г-жею Синявиной, а въ случаѣ отказа съ моей стороны, немедленно арестовать меня и силою взять у меня заключенный договоръ.

Я передалъ договоръ Равинскому, но попросилъ дать мнѣ въ полученіи его росписку, за подписью его и его помощника.

Въ тотъ же день я сообщилъ о случившемся директору канцеляріи генераль-губернатора, статскому совѣтнику Шафонскому; онъ сказалъ мнѣ, что слухъ о томъ, будто я хочу отпустить крестьянъ на волю, проникъ въ имѣніе г-жи Синявиной; что объ этомъ узнали ея наслѣдники, донесли о томъ въ Петербургъ и выставили въ своемъ донесеніи на видъ, что освобожденіе этихъ крестьянъ будетъ сигналомъ къ возстанію крѣпостныхъ во всемъ уѣздѣ; поэтому правительство потребовало, чтобы г-жа Синявина нарушила заключенный со мною договоръ.

Въ 1823 и 1824 г.г. я совершилъ нѣсколько поѣздокъ во внутреннія губерніи Россіи и прожилъ нѣкоторое время въ губерніяхъ Могилевской и Витебской. Я гоотилъ въ имѣніи одного моего пріятеля близъ Могилева, когда получилось извѣстіе о назначеніи генераль-лейтенанта князя Хованскаго генераль-губернаторомъ четырехъ губерній: Могил-

левской, Витебской, Смоленской и Калужской. Вскорѣ послѣ этого я получилъ отъ него письменное приглашеніе пріѣхать къ нему въ Витебскъ, который онъ избралъ мѣстомъ своего жительства. Я знавалъ князя лѣтъ 20 тому назадъ въ Ригѣ, Дерптѣ и Москвѣ и считалъ его всегда человѣкомъ справедливымъ и просвѣщеннымъ; поэтому его приглашеніе было мнѣ весьма пріятно.

Князь принялъ меня дружески и послѣ обѣда сообщилъ, что государь повелѣлъ ему какъ можно поспѣшнѣ представить докладъ о состояніи двухъ Бѣлорусскихъ губерній, Могилевской и Витебской, но что онъ вовсе не знакомъ съ этой мѣстностью и поэтому проситъ меня написать это донесеніе. Для меня это не составило никакого труда, такъ какъ я имѣлъ обыкновеніе, пріѣзжая въ какую-либо мѣстность, тотчасъ заняться изученіемъ ея въ торговомъ, сельско-хозяйственномъ, промышленномъ и политическомъ отношеніяхъ. По прошествіи нѣсколькихъ дней я представилъ князю обстоятельное донесеніе. Онъ былъ весьма доволенъ и, облекши его въ подобающую форму, послалъ въ Петербургъ. Въ то же время онъ назначилъ меня состоять при немъ чиновникомъ особыхъ порученій.

Слухъ о моемъ назначеніи вскорѣ сдѣлался извѣстенъ въ губерніи, и нѣсколько дней спустя ко мнѣ явился изъ Могилева одинъ помѣщикъ по имени Мерзіевскій (Mierzievski), съ которымъ я ранѣе былъ знакомъ, и рассказалъ мнѣ о крупномъ злоупотребленіи, учиненномъ Могилевскимъ губернскимъ правленіемъ съ вѣдома губернатора.

Такъ какъ эта исторія составляетъ любопытную иллюстрацію къ исторіи судебного дѣла въ Россіи, то я нахожу нужнымъ изложить ее подробно.

Въ 1820 г. въ Могилевской губерніи былъ большой неурожай, вызвавшій нѣсколько лѣтъ спустя страшный голодъ. Населеніе этой губерніи состоитъ изъ землевладѣльцевъ-дворянъ съ ихъ крѣпостными крестьянами и изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ или шляхтичей, которые представляютъ собою не что иное, какъ свободныхъ крестьянъ. Крѣпостные, шляхтичи и евреи, жившіе въ этой губерніи, буквально умирали тысячами отъ голода. По большимъ дорогамъ бродили мужчины, женщины и дѣти, отыскивая пропитаніе; дороги были усыяны трупами. Императоръ Александръ, проѣзжая на югъ, былъ свидѣтелемъ этого душу раздирающаго зрѣлища. Глубоко потрясенный, онъ приказалъ представить ему обстоятельное донесеніе о причинахъ голода. Въ донесеніяхъ губернатора и предводителя дворянства говорилось, что причиною голода былъ неурожай, повторявшійся нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, и отсутствіе денегъ на закупку зерна для посѣвовъ. Получивъ это донесеніе, императоръ пожаловалъ нѣсколько миліоновъ рублей и приказалъ распределить ихъ слѣдующимъ образомъ:

1) Деньги должны были раздаваться населенію во всѣхъ уѣздахъ губерніи.

2) Въ каждомъ уѣздѣ повелѣно было учредить комиссію изъ помѣщиковъ, предводителя дворянства, уѣзднаго полиціймейстера, исправника и прочихъ властей подъ предсѣдательствомъ предводителя дворянства.

3) Эта комиссія должна была какъ можно скорѣе закупить зерно, устроить склады и роздать нуждающимся хлѣбъ и сѣмена и

4) Все это должно было выдаваться натурою, а отнюдь не деньгами. Зная, какія могли при этомъ возникнуть злоупотребленія, императоръ поставилъ это послѣднее неперемѣннымъ условіемъ.

Но какъ только деньги были получены, уѣздные предводители дворянства съ губернскимъ предводителемъ во главѣ предложили губернатору, за извѣстное ими назначенное вознагражденіе, передать деньги прямо въ руки предводителей, на что тотъ и согласился.

Получивъ эти деньги, предводители роздали ихъ помѣщикамъ-дворянамъ. Шляхтичи и крѣпостные ничего не получили. Зерна закуплено не было, склады не были учреждены; голодъ продолжался; болѣе 80-ти тысячъ людей ушли въ сосѣднія губерніи, гдѣ они частью погибли, частью нашли пріютъ у сострадательныхъ помѣщиковъ и крестьянъ. Все это сообщилъ мнѣ Мерзіевскій. Не смотря на поздній часъ, я отправился къ князю Хованскому и передалъ ему слышанное. Хованскій тотчасъ послалъ за Мерзіевскимъ, долго говорилъ съ нимъ и поручилъ мнѣ изложить письменно мнѣніе, какимъ образомъ можно было раскрыть это дѣло. Я предложилъ Мерзіевскому остановиться у меня и приказалъ строго слѣдить за нимъ. Было рѣшено, что онъ поѣдетъ къ двумъ предводителямъ, коихъ онъ считалъ самымъ глупыми, и убѣдить ихъ открыть всю правду. Онъ сказалъ предводителямъ, что правительству все извѣстно, что виновнымъ угрожаетъ кнутъ и Сибирь и что единственное средство спасенія,—это подать письменное заявленіе, въ которомъ они расскажутъ всю правду, и напишутъ, что мучимые угрызениями совѣсти они рѣшили во всемъ сознаться, и просятъ императора помиловать ихъ.

Предводители, перепуганные, тотчасъ написали показаніе и пріѣхали съ Мерзіевскимъ ко мнѣ въ Витебскъ; это было ночью. Не ожидая разсвѣта, я приказалъ тотчасъ разбудить князя и представилъ ему обоимъ предводителей и подписанное ими показаніе. Между тѣмъ князь имѣлъ неосторожность пригласить къ себѣ оршинскаго предводителя и допросить его. Этотъ хитрый, гордый и энергичный человекъ отпирался во всемъ и потребовалъ, чтобы было произведено слѣдствіе и чтобы живый доносчикъ былъ строго наказанъ. Я настоялъ на томъ, чтобы предводитель былъ немедленно арестованъ, но онъ уже успѣлъ уѣхать

въ Могилевъ и поднялъ тамъ тревогу. Въ эту грязную исторію оказались замѣшанными губернаторъ, все губернское правленіе и всѣ дворяне съ ихъ предводителями. Дѣло осложнялось тѣмъ, что губернаторъ, точно также какъ губернской предводитель дворянства, были въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ фельдмаршаломъ графомъ Сакеномъ, командовавшимъ первой арміей, главная квартира коего находилась въ Могилевѣ; фельдмаршалъ и князь Хованскій были между собою на ножахъ, а губернской предводитель дворянства былъ женатъ на русской, родственники которой занимали видное мѣсто при дворѣ и пользовались благоволеніемъ государя. Въ Петербургъ тотчасъ поскакали курьеры и эстафеты.

Дворянство Витебской губерніи, имѣвшее родственныя связи съ дворянствомъ Могилевской губерніи, взволновалось. Большія суммы денегъ были собраны и посланы въ Петербургъ, чтобы предотвратить грозу. Князь Хованскій стоялъ одиноко, не имѣлъ въ провинціи никакихъ связей и могъ положиться единственно на своего друга генерала Дибича, по ходатайству котораго онъ былъ назначенъ генераль-губернаторомъ.

Получивъ открытое предписаніе ко всѣмъ гражданскимъ и военнымъ властямъ, я поѣхалъ немедленно въ сопровожденіи двухъ жандармовъ въ имѣніе губернскаго предводителя, отстоявшее отъ Могилева въ 42 верстахъ. Проѣзжая чрезъ этотъ городъ, я попросилъ послать вслѣдъ за мною какъ можно скорѣе еще шесть жандармовъ. Приѣхавъ къ предводителю, я потребовалъ, чтобы онъ разослалъ немедленно ко всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ эстафеты и пригласилъ бы ихъ явиться къ нему. Когда онъ отвѣчалъ на это съ гордой улыбкой отказомъ, то я показавъ ему данное мнѣ предписаніе и сказалъ, что я тотчасъ арестую его и пошлю подъ конвоемъ жандармовъ въ Витебскъ. Онъ притихъ и разослалъ эстафеты. Предводители съѣхались. Мнѣ пришлось не мало повозиться съ ними. Всѣ они клялись въ томъ, что доносъ не что иное, какъ самая постыдная ложь, и когда я потребовалъ, чтобы каждый изъ нихъ изложилъ письменно, гдѣ именно устроены склады и гдѣ куплено зерно, то они отказались дать эти показанія подъ предлогомъ, что это оскорбленіе ихъ дворянскаго званія. Мнѣ ничего не оставалось, какъ приказать жандармамъ запретъ ихъ сани и объявить предводителямъ, что они должны будутъ ѣхать вмѣстѣ со мною въ Витебскъ. Это подѣйствовало, и они написали требуемыя мною показанія, въ которыхъ не было впрочемъ ни слова правды.

Я возвратился въ Витебскъ черезъ двое сутокъ, но уже не засталъ князя. Тотчасъ послѣ моего отъѣзда онъ получилъ предписаніе немедленно явиться въ Петербургъ и приказалъ мнѣ послать ему туда донесеніе. Такъ какъ я слышалъ въ Могилевѣ отъ одного изъ моихъ пріате-

лей, что фельдмаршалъ графъ Сакенъ, играя въ вистъ съ губернаторомъ, сказалъ, смѣясь: «Мы отдѣлаемся отъ этого жида (князя Хованскаго)», то, предвидя, что князю угрожала опасность, я рѣшилъ тотчасъ самъ отправиться въ Петербургъ. Съ трудомъ удалось мнѣ получить отъ витебскаго губернатора курьерскую подорожную, безъ которой я не могъ бы получить лошадей безъ задержанія; пришлось даже пустить въ дѣло угрозы; я взялъ съ собою Мерзіевскаго. Приѣхавъ въ столицу, я узналъ, что императоръ чрезвычайно озлобленъ и приказалъ князю произвести строжайшее слѣдствіе.

Съ этой цѣлью была назначена подъ предсѣдательствомъ смоленскаго губернскаго предводителя дворянства коммиссія, въ составъ которой вошли смоленскій губернский прокуроръ, Мерзіевскій и я.

Когда всѣ необходимыя формальности были выполнены и день моего отъѣзда назначенъ, я обѣдалъ на прощанья у князя вмѣстѣ съ генераломъ Сабиромъ и однимъ лицомъ, назвать котораго я не имѣю права. Генералъ былъ закадычнымъ другомъ князя. Онъ служилъ въ вѣдомствѣ путей сообщенія и, пользуясь особымъ покровительствомъ великой княгини Екатерины Павловны, супругъ которой, герцога Ольденбургскій, былъ прежде главноуправляющимъ этого вѣдомства, онъ сдѣлалъ быструю и блестящую карьеру. За столомъ подробно обсуждали возложенное на меня порученіе, и князь и его два друга настоятельно совѣтовали мнѣ дѣйствовать какъ можно энергичнѣе и клялись всѣми святыми, что они окажутъ мнѣ всевозможное содѣйствіе. Я былъ настолько добродушенъ и до вѣрчивъ, что повѣрилъ имъ. Послѣ обѣда князь поѣхалъ къ генералу Дибичу, чтобы еще разъ переговорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ. Едва успѣлъ онъ уѣхать, какъ появился адъютантъ с.-петербургскаго генералъ-губернатора графа Милорадовича и предложилъ мнѣ немедленно отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ графу. Я колебался, не зная, что дѣлать. Однако я рѣшился послѣдовать за адъютантомъ, написавъ предварительно князю нѣсколько словъ. Генералъ Милорадовичъ сказалъ мнѣ, что я долженъ отправиться вмѣстѣ съ его адъютантомъ въ Зимній дворецъ, гдѣ я получу дальнѣйшія приказанія. Мы немедленно отправились туда, и адъютантъ провелъ меня въ залу, смежную съ внутренними покоями императора, гдѣ онъ представилъ меня человѣку, одѣтому въ статское платье и не имѣвшему никакихъ знаковъ отличія. Когда офицеръ удалился, то этотъ человѣкъ сказалъ мнѣ: «вы увидите сейчасъ императора».

Вслѣдъ за тѣмъ онъ открылъ боковую дверь и предложилъ мнѣ войти въ сосѣднюю комнату. Посреди этой комнаты стоялъ государь въ простомъ сюртукѣ.

— Подойдите ближе, — сказалъ онъ.

Я замѣтилъ, что его лицо выражало величайшее неудовольствіе и

заботу; помолчавъ съ минуту и пристально смотря на меня, императоръ сказалъ:

— Вы взяли на себя трудное дѣло и большую отвѣтственность. Я надѣюсь, что вы человѣкъ честный, неподкупный. Хованскій также вполнѣ полагается на васъ. Это грязная исторія, дѣйствуйте энергично. Я васъ не забуду. Это дѣло мнѣ близко къ сердцу; моимъ довѣріемъ позорно злоупотребили. Поѣзжайте съ Богомъ.

Сказавъ это, онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, что я могу идти. Я удалился, сдѣлавъ безмолвный поклонъ. Когда я уже открылъ двери, то государь крикнулъ мнѣ вслѣдъ:

— Никакихъ полумѣръ,—слышите,—никакихъ полумѣръ. И никому не говорите, что вы получили приказаніе отъ меня лично. Понимаете?

Приказаніе было вполнѣ опредѣленное. Поэтому, когда князь спросилъ меня, что хотѣлъ отъ меня генераль Милорадовичъ, то я сказалъ, что онъ хотѣлъ узнать, что за человѣкъ сопровождалъ меня. Этому можно было повѣрить, такъ какъ наканунѣ по порученію генераль-губернатора дѣйствительно пріѣзжалъ чиновникъ узнать, кто такой Мерзевскій и есть ли у него паспортъ.

Я уѣхалъ въ тотъ же вечеръ. Прежде всего я отправился въ Смоленскъ, чтобы сообщить полученное мною приказаніе предводителю и прокурору, и предложилъ имъ, не теряя ни минуты, прибыть въ Оршу, чтобы открыть дѣйствія комиссіи и начать слѣдствіе. Замѣшанные въ дѣлѣ лица весьма естественно ожидали съ нетерпѣніемъ, въ какомъ уѣздѣ будетъ начато слѣдствіе, такъ какъ отъ этого зависѣлъ весь ходъ дѣла. Я избралъ Оршу, такъ какъ тамошній предводитель былъ человѣкъ самый ненадежный. Чтобы застигнуть его врасплохъ, я препроводилъ губернатору Веселовскому предписаніе князя и просилъ его немедленно созвать всѣхъ помѣщиковъ Могилевскаго уѣзда и имѣть наготовѣ всѣ бумаги, которыя могли быть истребованы комиссіей. Поэтому всѣ думали, что комиссія начнетъ свои дѣйствія въ Могилевѣ. Фельдмаршалъ Сакенъ и вся главная квартира стали дѣйствовать, не теряя времени. Наскоро были сооружены склады, шляхтичамъ было роздано зерно и деньги, и отъ нихъ получены квитанціи, помѣченные заднимъ числомъ. Приготовившись такимъ образомъ встрѣтить меня, они торжествовали.

Но мы появлялись какъ *Deus ex machina* въ Оршѣ. Мѣстные помѣщики и шляхтичи, числомъ всего 350 чел., получили приглашеніе явиться въ комиссію. Когда дворянамъ было объявлено, что они будутъ приведены къ присягѣ, то одинъ отставной маіоръ подалъ мнѣ заявленіе, подписанное всѣми присутствующими дворянами, которые протестовали противъ назначенія комиссіи и отказывались дать какія-либо показанія. Положеніе было критическое. Подумавъ съ минуту,

я принялъ поданную мнѣ бумагу и сказалъ, что записка будетъ немедленно послана съ курьеромъ въ Петербургъ князю Хованскому. Но при этомъ я замѣтилъ, что по существующимъ законамъ всякій протестъ или отказъ подчиниться высочайшему повелѣнію, подписанный болѣе нежели однимъ лицомъ, считается дѣйствіемъ противузаконнымъ и заговоромъ и что имъ придется нести всю отвѣтственность за этотъ необдуманный шагъ. Помѣщики встрепнулись и попросили позволенія посоветоваться въ сосѣдней комнатѣ. Послѣ короткаго совѣщанія они просили меня возвратить имъ записку, такъ какъ рѣшили написать протестъ каждый отдѣльно. Въ этомъ, само собою разумѣется, имъ было отказано. Тогда они спросили меня, возвращу ли я имъ записку, если они согласятся присягнуть.

— Сначала присягните, а потомъ получите бумагу,—отвѣчалъ я.

Они рѣшились присягнуть. Каждому изъ нихъ были даны чернила, перо и листъ бумаги, на которомъ были написаны вопросные пункты, на кои каждый изъ нихъ долженъ былъ отвѣтить. При этомъ имъ было строго запрещено сговариваться между собою; каждый долженъ былъ отвѣтить на предложенные вопросы по своему собственному разумію. Пока они писали отвѣты, были допрошены полиціймейстеръ, уѣздные начальники и многіе горожане. Изъ крайне противорѣчивыхъ отвѣтовъ дворянъ и не менѣе противорѣчивыхъ показаній служащихъ вытекало ясно, что дѣло было нечисто. Оставалось допросить шляхтичей. Были приглашены православный и католическій священники, и принесена присяга. Всѣ показали единогласно, что складовъ нигдѣ не было устроено, и что во всемъ уѣздѣ никто не получилъ ни хлѣба, ни сѣмянъ.

Мы работали день и ночь; предварительное слѣдствіе было окончено въ теченіе восьми дней; протоколъ и донесеніе были немедленно посланы въ Петербургъ. Точно также было произведено слѣдствіе въ прочихъ уѣздахъ; результатъ былъ одинъ и тотъ же. Послѣднимъ былъ Могилевскій уѣздъ; не смотря на всѣ принятыя мѣры, истину не удалось скрыть и тамъ, ибо когда шляхтичи узнали, что коммиссія назначена по высочайшему повелѣнію, то показали правду.

По окончаніи слѣдствія губернаторъ Веселовскій былъ вызванъ въ Петербургъ, а я возвратился въ Витебскъ, куда уже прибылъ тѣмъ временемъ князь Хованскій. Можно себѣ представить мое изумленіе, когда квязь принялъ меня очень холодно и не предложилъ мнѣ даже сѣсть.

— Вы оказали мнѣ дѣйствительно большую услугу, — сказалъ онъ, выслушавъ меня,—но кто втянулъ меня въ эту проклятую исторію? Это дѣло вашихъ рукъ, поэтому вы и должны были распутать его. На васъ со всѣхъ сторонъ слышится жалобы. Вы дѣйствовали слишкомъ строго,

слишкомъ жестоко. Вы должны были пощадить людей. При томъ, вы забыли главное, «съ волками жить, по-волчьи выть». Ступайте я позову васъ.

Этотъ пріемъ возмутилъ меня; я видѣлъ, что моя пѣсня слѣта. Я не могъ возлагать надежды и на императора, такъ какъ я понималъ, что у меня не было къ нему доступа.

Со времени моего назначенія чиновникомъ особыхъ порученій — я не получалъ отъ князя Хованскаго ни копѣйки и расходовалъ свои собственные деньги. Затруднительное денежное положеніе, въ которомъ я очутился вслѣдствіе этого, вынудило меня подавить гордость и написать князю письмо, прося его уплатить слѣдующее мнѣ жалованіе и возмѣстить всѣ произведенные расходы. Онъ прислалъ мнѣ съ адъютантомъ 200 руб. ассигнаціями и велѣлъ передать мнѣ, что ему будетъ пріятно, если я подамъ въ отставку, что я и сдѣлалъ немедленно.

Слѣдственное дѣло, произведенное мною, такъ и осталось нерѣшеннымъ въ архивѣ сената: императоръ не упоминалъ о немъ, князь Хованскій получилъ въ награду за произведенное слѣдствіе два прекрасныхъ помѣстья въ окрестностяхъ Вильны, примирился съ дворянствомъ, а его адъютантъ, изъ бывшихъ жандармовъ, получилъ въ награду два чина, орденъ и 20 тысячъ рублей. Что заработалъ при этомъ князь, мнѣ неизвѣстно, но всѣ знали, что его крайне разстроенныя денежные дѣла съ тѣхъ поръ не только поправились, но сдѣлались блестящими. Предсѣдатель комиссіи, смоленскій предводитель Аничковъ, чловѣкъ весьма богатый, проигравшій князю не мало денегъ въ вистъ, получилъ орденъ; остальные два члена комиссіи ничего не получили: прокуроръ не получилъ даже того, что имъ было истрачено, и очутился бы въ самомъ бѣдственномъ положеніи, если бы богатый Аничковъ не возвратилъ ему денегъ изъ своего собственнаго кармана.

Въ началѣ 1825 года одинъ изъ моихъ друзей увѣдомилъ меня письменно о томъ, что состоялось повелѣніе учредить въ Вильнѣ школу высшихъ военныхъ наукъ, а пока пригласить въ университетъ профессора военныхъ наукъ. Пріятель совѣтовалъ мнѣ поспѣшить въ Вильню и хлопотать объ этомъ мѣстѣ. Я тотчасъ отправился и былъ временно опредѣленъ на это мѣсто съ приказаніемъ немедленно начать чтеніе лекцій; мнѣ было обѣщано, что вскорѣ будетъ написанъ докладъ о моемъ зачисленіи на это мѣсто.

Мнѣ велѣно было представить программу моихъ лекцій для просмотра одному находившемуся въ Вильно русскому генералу, что я и исполнилъ.

Въ тотъ день, когда должно было начаться чтеніе лекцій, генералъ возвратилъ мнѣ мою программу, сказавъ:

— Все это глупости, вы говорите объ искусствѣ и искусствѣ, о наукѣ

*

и наукъ. Если вы хотите просвѣтить молодыхъ поляковъ, вы должны говорить о русскихъ штыкахъ. Все остальное глупости.

Я былъ такъ возмущенъ, что сказалъ собравшимся только короткую рѣчь, сдѣлавъ нѣсколько общихъ замѣчаній о военномъ искусствѣ и прекратилъ лекцію къ великому неудовольствію генерала. На послѣдующихъ моихъ лекціяхъ появлялся каждый разъ полицейскій чиновникъ. Въ университетской библіотекѣ не оказалось сочиненій по военнымъ наукамъ. Мнѣ пришлось выписать ихъ изъ Кёнигсберга, и я составилъ небольшую, но очень полную бібліотеку военныхъ наукъ и хотя бы я не сдѣлавъ ничего болѣе для Виленскаго университета, за мною все же остается заслуга, что я положилъ основаніе этой библіотекѣ, составленной изъ лучшихъ нѣмецкихъ и французскихъ сочиненій. Для удовлетворенія самой настоятельной необходимости я составилъ наскоро маленькую справочную книгу военныхъ наукъ для руководства моихъ слушателей и напечаталъ ее у Завадскаго. Но Боже мой, что я долженъ былъ почувствовать, когда ректоръ Пеликанъ, просмотрѣвъ ее, воскликнулъ:

— Вы хотите дѣлать здѣсь нововведенія? У насъ есть старые профессора, которые не написали еще ни одной книги, а вы хотите съ этого начать? Да въ умѣ ли вы?

На подобныя глупости нечего было отвѣчать.

О моемъ окончательномъ назначеніи все еще не было рѣчи, меня все водили за носъ. Между тѣмъ, непріятности, которыя я имѣлъ по поводу моихъ лекцій, дошли до того, что я былъ вынужденъ прекратить ихъ и подать въ отставку. Я не могъ долѣе быть свидѣтелемъ и невольнымъ участникомъ тѣхъ безобразій, какія творились въ университетѣ и въ учебномъ округѣ. Юноши, мальчики, даже дѣти, какъ напр. въ школахъ въ Кейданахъ, сажались подъ арестъ и жестоко наказывались подъ предлогомъ, будто они участвовали въ политическихъ проискахъ. Тюремы были переполнены, въ нихъ не хватало мѣста, и несчастныхъ молодыхъ людей заточали въ монастыри; но довольно объ этомъ.

Въ раннемъ дѣтствѣ я имѣлъ случай видѣть въ Ригѣ герцога Александра Виртенбергскаго, брата императрицы Маріи Ѳеодоровны, и часто бывалъ у него. Онъ стоялъ въ то время въ Ригѣ со своимъ полкомъ и такъ какъ онъ обыкновенно нуждался въ деньгахъ, то мой отецъ имѣлъ случай оказывать ему маленькія услуги. Впослѣдствіи я видѣлъ его въ Петербургѣ и въ арміи, и онъ относился ко мнѣ всегда доброжелательно. Я послалъ герцогу мою справочную книгу военныхъ наукъ и попросилъ его принять меня на службу въ вѣдомство путей сообщенія, коего онъ былъ главноуправляющимъ, а самъ уѣхалъ между тѣмъ въ Слонимъ и ожидалъ тамъ отвѣта. Отвѣтъ получился благопріятный,

но мнѣ было поставлено условіемъ, чтобы я выдержалъ экзаменъ, который долженъ былъ быть только пустой формальностью.

Семейныя обстоятельства мои настоятельно требовали, чтобы я уѣхалъ въ Германію, но мнѣ было отказано въ заграничномъ паспортѣ.

Я хотѣлъ тайно переѣхать черезъ границу, но убѣдился вскорѣ, что это было неисполнимо и сопряжено съ большой опасностью. Когда я пріѣхалъ въ предмѣстье Варшавы, въ Прагу, меня тотчасъ встрѣтили два жандарма, отвезли въ гостиницу близъ Пражскаго моста, и мнѣ было приказано немедленно явиться къ коменданту генералу Левицкому. Генералъ приказалъ мнѣ на слѣдующій день быть въ 5 часовъ утра въ Бельведерѣ, у великаго князя. Въ назначенный часъ я былъ въ пріемной, гдѣ никого еще не было. Въ 6 часовъ появился генералъ Левицкій. Къ 7 часамъ слишкомъ двадцать офицеровъ собралось въ томъ залѣ, въ которомъ великій князь принималъ рапорты. Они стояли полукругомъ; адъютантъ поставилъ меня среди нихъ. Вскорѣ появился другой адъютантъ, который указалъ мнѣ мѣсто у боковой двери. Она отворилась, и передо мною появился великій князь. Онъ постоялъ съ минутой и пристально смотрѣлъ на меня. Я смотрѣлъ на него такъ же пристально. Затѣмъ онъ обратился къ стоявшему возлѣ меня офицеру, взялъ у него рапортъ и обошелъ весь кругъ. Потомъ подошелъ снова ко мнѣ.

— Вы голландецъ?—спросилъ онъ.

— Точно такъ, ваше императорское высочество!—отвѣчалъ я, хотя я не могъ понять этого вопроса, такъ какъ великій князь меня зналъ и зналъ прекрасно, что я лифляндецъ.

— Зачѣмъ вы пріѣхали въ Варшаву?

— Просить ваше императорское высочество милостиво дать мнѣ паспортъ.

— Вы хотите ѣхать въ ваше отечество, въ Голландію?

— Да! ваше императорское высочество, если вы разрѣшите мнѣ это.

— Явитесь къ генералу Курутѣ.

Это былъ начальникъ его штаба и довѣренное лицо великаго князя.

Всѣ удалились, а я отправился во флигель, гдѣ засталъ генерала Куруту. Увидавъ меня, онъ сказалъ полковнику барону Засу, курляндцу, который отлично зналъ меня: «Попалась птичка!»

Затѣмъ онъ обратился ко мнѣ и приказалъ являться каждый день въ Бельведеръ въ 5 часовъ утра, такъ какъ великій князь желалъ видѣть меня ежедневно. Я являлся во дворецъ аккуратно каждое утро, великій князь каждый разъ останавливался передо мною и пристально смотрѣлъ на меня, не говоря ни слова. Это продолжалось съ апрѣля мѣсяца все лѣто 1827 года, безъ перерыва.

Находясь въ тревожной неизвѣстности, я тщетно обращался къ генералу Курутѣ. Онъ не принималъ меня. Наконецъ, я встрѣтилъ его

однажды на лѣстницѣ зданія штаба и убѣдительно просилъ его сказать, что отъ меня хотятъ. Онъ посмотрѣлъ на мѣня, схватилъ меня за руки и сказалъ мягко:

— Вы человѣкъ благоразумный!—Скажите мнѣ, могу ли я сдѣлать васъ китайскимъ императоромъ? Точно также я не могу сказать вамъ, что съ вами будетъ. Обратитесь къ дежурному генералу, быть можетъ, онъ что-либо объяснитъ вамъ.

Я отправился къ дежурному генералу, который принялъ меня грубо.

— Что вы хотите отъ меня? — сказалъ онъ. — Вы съ ума сошли. Какое мнѣ до васъ дѣло? Убирайтесь вонъ, иначе я прикажу васъ арестовать.

Вернувшись домой, я нашелъ у себя записку, съ приглашеніемъ явиться немедленно къ адъютанту великаго князя. Я поспѣшилъ къ нему. Адъютантъ предложилъ мнѣ позавтракать съ нимъ и сказалъ, что великій князь приказалъ выдать мнѣ 200 рублей сер., препроводить мои бумаги къ виленскому генераль-губернатору для выдачи мнѣ паспорта для возвращенія на родину въ Голландію; что этотъ паспортъ въ скоромъ времени будетъ полученъ, полиція приказано уже визировать его, что мнѣ нѣтъ болѣе надобности являться по утру въ Бельведеръ; и великій князь приказалъ пожелать мнѣ счастливаго пути.

Дѣйствительно, я получилъ вскорѣ паспортъ и, поспѣшивъ добратся до границы, оставилъ Россію навсегда.

